

Обзоры практики Конституционного Суда Российской Федерации в сфере защиты интеллектуальных прав за период с 1992 по 2022 годы¹

Обзоры подготовлены отделом обобщения судебной практики и статистики Суда по интеллектуальным правам

Оглавление

1. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2022 года.....	3
2. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2022 года.....	7
3. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2021 года.....	15
4. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2021 года.....	16
5. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2020 года.....	18
6. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2020 года.....	21
7. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2019 года.....	27
8. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2019 года.....	29

¹ Обзоры за период со второго полугодия 1992 года по первое полугодие 2001 года, за 2002 год, за первое полугодие 2005, 2006, 2007, 2012, 2015 годов, а также за второе полугодие 2004, 2011 и 2017 годов не готовились в связи с отсутствием соответствующих актов Конституционного Суда Российской Федерации по указанной теме.

9. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2018 года.....	30
10. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2018 года.....	31
11. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2017 года.....	32
12. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2016 года.....	33
13. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2016 года.....	34
14. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2015 года.....	37
15. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2014 года.....	39
16. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2014 года.....	41
17. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2013 года.....	46
18. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2013 года.....	49
19. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года.....	52
20. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2011 года.....	52

21. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2010 года.....	53
22. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 года.....	54
23. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2009 года.....	55
24. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2009 года.....	56
25. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2008 года.....	57
26. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2007 года.....	58
27. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2006 года.....	60
28. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2005 года.....	61
29. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2004 года.....	62
30. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2003 года.....	63
31. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2003 года.....	64
32. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2001 года.....	655

33. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 1992 года.....	666
---	-----

1. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2022 года

подготовлена 28.04.2023

Статьи 208, 1226, 1252, 1474 Гражданского кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) признал соответствующими Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) положения абзацев первого и второго статьи 208, статьи 1226, абзаца третьего пункта 6 статьи 1252, пункта 4 статьи 1474 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (*определение Конституционного Суда от 27.10.2022 № 2849-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые положения противоречат Конституции, поскольку они исключают применение срока исковой давности к требованию о понуждении участника гражданского оборота изменить фирменное наименование.

Конституционный Суд указал, что статья 1226 ГК РФ обеспечивает определенность при предоставлении правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Абзац третий пункта 6 статьи 1252 и пункт 4 статьи 1474 ГК РФ, в свою очередь, конкретизируют порядок защиты исключительного права, являющегося в соответствии со статьей 1226 ГК РФ имущественным правом, в упомянутых в них случаях.

Требование о прекращении использования фирменного наименования (пункт 4 статьи 1474 ГК РФ) может быть удовлетворено, если нарушение имеет место на момент вынесения судом решения. Исковая давность распространяется на требования о возмещении убытков, причиненных неправомерным использованием фирменного наименования (абзацы четвертый и шестой пункта 152 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», далее – Постановление № 10). Оспариваемые нормы – в том числе с учетом приведенных разъяснений – не могут расцениваться как нарушающие в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя.

Статья 1033 ГК РФ

Конституционный Суд признал соответствующим Конституции положение пункта 1 статьи 1033 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 21.11.2022 № 3154-О*).

По мнению заявителя, пункт 1 статьи 1033 ГК РФ противоречит Конституции, поскольку оно позволяет закреплять в договоре коммерческой концессии любые ограничения прав его сторон, в том числе запрещать конкурирующую деятельность после прекращения договора.

Конституционный Суд указал, что пункт 3 статьи 1033 ГК РФ предусматривает, что ограничительные условия договора коммерческой концессии могут быть признаны недействительными по требованию антимонопольного органа или иного заинтересованного лица, если эти условия с учетом состояния соответствующего рынка и экономического положения сторон противоречат антимонопольному законодательству. Соответственно, пункт 1 статьи 1033 ГК РФ сам по себе не может расцениваться как нарушающий конституционные права заявителя.

Статьи 1252, 1301 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пункта 3 статьи 1252, подпункта 1 статьи 1301 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 21.11.2022 № 3155-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые положения противоречат Конституции, поскольку в системе действующего правового регулирования с учетом разъяснений, содержащихся в пунктах 56 и 65 Постановления № 10, они не позволяют суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения исключительного права на один результат интеллектуальной деятельности несколькими способами, снизить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела размер компенсации, если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью предпринимательской деятельности нарушителя и не носило грубый характер. Кроме того, заявитель указал, что в деле с его участием суды при квалификации нарушения не учли единство намерений нарушителя.

Конституционный Суд установил, что оспариваемые нормы – в том числе с учетом правовых позиций, выраженных в постановлениях Конституционного Суда от 13.12.2016 № 28-П (далее – Постановление № 28-П) и от 24.07.2020 № 40-П (далее – Постановление № 40-П), и разъяснений, содержащихся в Постановлении № 10, – не могут расцениваться как нарушающие в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя, в деле с участием которого суд исходил из соразмерности и обоснованности размера компенсации (10 000 рублей за каждое нарушение).

Статьи 1257, 1300 ГК РФ

Конституционный Суд признал соответствующими Конституции положения статьи 1257, пункта 1 статьи 1300 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 29.09.2022 № 2541-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые положения противоречат Конституции, поскольку по смыслу, приданному им в конкретном деле, они позволяют судам не учитывать доказательства авторства гражданина, ранее надлежаще указанного в качестве автора произведения, если такое указание изменено неизвестными лицами.

Конституционный Суд указал, что в соответствии с разъяснениями, содержащимися в пунктах 109 и 110 Постановления № 10, при рассмотрении судом дела о защите авторских прав надлежит исходить из того, что, пока не доказано иное, автором произведения считается лицо, указанное в качестве такового на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с пунктом 1 статьи 1300 ГК РФ (статья 1257 ГК РФ), в Реестре программ для ЭВМ или в Реестре баз данных (пункт 6 статьи 1262 ГК РФ); необходимость исследования иных доказательств может возникнуть в случае, если авторство лица на произведение оспаривается путем представления соответствующих доказательств; при этом отсутствует исчерпывающий перечень доказательств авторства.

Оспариваемые нормы, обеспечивающие защиту интересов авторов произведений и иных правообладателей, не могут – в том числе во взаимосвязи с нормами о доказательствах и доказывании в гражданском процессе и с учетом приведенных разъяснений Постановления № 10 – расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя. Установление же и исследование фактических обстоятельств конкретного дела, оценка доказательств, послуживших основанием для применения в нем тех или иных норм права и для вывода суда о том, что заявителем не доказано авторство на фотографию, не входят в компетенцию Конституционного Суда.

Статьи 1301, 1311 ГК РФ

Конституционный Суд признал соответствующими Конституции положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 29.09.2022 № 2493-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые нормы противоречат Конституции, поскольку они позволяют применять к гражданам, использовавшим в сети Интернет цифровые фотографии без разрешения правообладателя, имущественные санкции в размере, многократно превышающем причиненный ущерб и несоизмерном затраченным на изготовление фотографий средствам, и – с учетом несоответствия устаревших норм права современному уровню технического развития – допускают необоснованное обогащение недобросовестных создателей таких объектов.

Конституционный Суд определил, что подпункт 1 статьи 1301 ГК РФ не может – в том числе с учетом абзаца третьего пункта 3 статьи 1252 ГК РФ,

позиций, выраженных в Постановлениях № 28-П и № 40-П, и разъяснений, содержащихся в пункте 64 Постановления № 10, – рассматриваться как нарушающий в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя.

**Статья 1473 ГК РФ, статья 14 Федерального закона
«О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса
Российской Федерации»**

Конституционный Суд признал соответствующими Конституции положения пункта 5 статьи 1473 ГК РФ, статьи 14 Федерального закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ) (*определение Конституционного Суда от 29.09.2022 № 2545-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые положения противоречат Конституции, поскольку они не позволяют применить правила об исковой давности к требованию органа, осуществляющего государственную регистрацию юридических лиц, о понуждении юридического лица к изменению фирменного наименования. Заявитель полагает, что данные нормы ставят такой орган в преимущественное положение, позволяя ему не исполнять обязанности, связанные со своевременным выявлением нарушений законодательства. Кроме того, оспариваемые нормы приводят к тому, что юридическое лицо может быть лишено фирменного наименования без учета давности допущенного нарушения и не может быть уверено в неизменности своего официального признанного статуса и в приобретенных правах.

Конституционный Суд указал, что статья 14 Закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ развивает положение части 2 статьи 15 Конституции об обязанности граждан и их объединений соблюдать Конституцию и законы и обеспечивает определенность при приведении фирменных наименований юридических лиц в соответствие с правилами параграфа 1 главы 76 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 26.03.2019 № 718-О*).

Пункт 5 статьи 1473 ГК РФ создает гарантии соблюдения перечисленных в нем правил о фирменных наименованиях юридических лиц и защиты интересов участников гражданского оборота, включая потребителей.

Соответственно, оспариваемые нормы – в том числе с учетом разъяснений, содержащихся в абзаце седьмом пункта 152 Постановления № 10, в соответствии с которыми иск на основании пункта 5 статьи 1473 ГК РФ может быть предъявлен органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц, пока действует исключительное право на фирменное наименование, – не могут расцениваться как нарушающие в обозначенном в жалобах аспекте конституционные права заявителя.

2. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2022 года

подготовлена 28.11.2022

Статьи 1229, 1479, 1484, 1515 ГК РФ

Конституционный Суд признал соответствующими Конституции положения абзаца третьего пункта 1 статьи 1229, статьи 1479, пункта 3 статьи 1484, пункта 4 статьи 1515 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 27.01.2022 № 107-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые положения противоречат Конституции, поскольку они позволяют взыскать компенсацию за нарушение исключительного права действиями, совершенными за пределами Российской Федерации.

Конституционный Суд указал, что абзац третий пункта 1 статьи 1229 ГК РФ имеет целью защиту интересов обладателей исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (*определение Конституционного Суда от 29.01.2019 № 190-О*).

Статья 1479 ГК РФ конкретизирует правила статьи 1231 ГК РФ.

Пункт 3 статьи 1484 ГК РФ направлен на реализацию части 1 статьи 44 Конституции во взаимосвязи с частью 4 статьи 15, частью 3 статьи 17, частью 2 статьи 34 и частью 3 статьи 55 Конституции, а также на реализацию обязательств Российской Федерации по международным договорам, в частности Конвенции по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883; далее – Парижская конвенция), Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков от 14.04.1891 (*определения Конституционного Суда от 24.09.2013 № 1342-О, от 25.10.2018 № 2590-О и др.*).

Пункт 4 статьи 1515 ГК РФ, закрепляющий право правообладателя требовать по своему выбору от правонарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации и предусматривающий способы ее расчета, развивает положения пункта 3 статьи 1252 ГК РФ и направлен на защиту интересов обладателя исключительного права на товарный знак.

Оспариваемые нормы – притом что установление того, нарушено ли исключительное право ответчиком, относится к компетенции суда, рассматривающего дело (*определение Конституционного Суда от 18.06.2020 № 1345-О*), – не могут расцениваться как нарушающие права заявителя.

Статья 1248 ГК РФ

Конституционный Суд признал соответствующим Конституции положения пункта 2 статьи 1248 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 28.04.2022 № 1076-О*).

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение противоречит Конституции, поскольку оно не позволяет оспорить действия и решения

Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент), не подлежащие оспариванию в административном порядке.

Конституционный Суд указал, что из права каждого на судебную защиту его прав и свобод, как оно сформулировано в статье 46 Конституции, не следует возможность выбора гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным категориям дел определяются исходя из Конституции федеральными законами (определения Конституционного Суда от 02.07.2013 № 1046-О, от 17.02.2015 № 348-О и др.).

Пункт 2 статьи 1248 ГК РФ закрепляет, что в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, защита интеллектуальных прав в перечисленных в этой норме отношениях осуществляется в административном (досудебном) порядке, и устанавливает последующий судебный контроль применительно к такому порядку разрешения споров. Данная норма, сама по себе не регулирующая возможность оспаривания решений Роспатента в иных ситуациях, не может расцениваться как нарушающая в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя, в деле с участием которого суды указали, что направление оспариваемого уведомления не является ненормативным правовым актом или действием, которое само по себе может быть предметом судебной проверки.

Статья 1260 ГК РФ

Конституционный Суд признал пункт 3 статьи 1260 ГК РФ не соответствующим Конституции (*постановление Конституционного Суда от 16.06.2022 № 25-П*).

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение противоречит Конституции в той мере, в какой оно в случае использования в производстве объектов, права на которые принадлежат иным лицам и неправомерность использования которых не доказана, позволяет отказывать автору в защите прав на созданную его творческим трудом часть произведения и допускает отказ в защите прав на это произведение как таковое в связи с использованием этих объектов, притом что такие лица о нарушении своих прав не заявляли. Кроме того, заявитель указывал, что оспариваемая норма позволяет освобождать участников гражданского оборота от ответственности за нарушение, совершение которого доказано. Заявитель в жалобе выразил также несогласие с квалификацией судами созданной им программы для электронной вычислительной машины (ЭВМ) в качестве составного произведения и отметил, что она не представляет собой результат творческого подбора или расположения материалов.

Конституционный Суд постановил, что в силу российского законодательства авторские права на программу для ЭВМ (включая право авторства, право на имя, исключительное право) возникают у ее создателя с момента создания данной программы в объективной форме в качестве результата творческого труда.

Такой порядок возникновения авторских прав в силу гарантий охраны интеллектуальной собственности (часть 1 статьи 44 Конституции) должен распространяться на все программы для ЭВМ, в том числе на относящиеся к составным произведениям. Являющаяся составным произведением программа для ЭВМ охраняется как результат творческого труда автора, который согласно подпункту 2 пункта 2 статьи 1259 ГК РФ заключается в подборе или расположении материалов. Использование объектов (программ для ЭВМ) для создания составного произведения, как следует из абзацев второго и третьего пункта 1 статьи 1229, статьи 1270 ГК РФ, требует согласия авторов (правообладателей) использованных объектов. Вместе с тем само по себе создание упомянутого составного произведения не лишает каких-либо прав авторов (правообладателей) использованных объектов. При этом осуществление авторских прав автором программы для ЭВМ как составного произведения в силу пункта 3 статьи 1260 ГК РФ допускается только при условии соблюдения прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для создания этой программы. Соответственно, возникновение авторских прав автора программы для ЭВМ как составного произведения только при условии получения такого согласия несоразмерно затрагивало бы гарантии охраны интеллектуальной собственности, притом что дальнейшее ее использование возможно только при выполнении названного условия. Таким образом, авторские права возникают с упомянутого момента и только тогда, когда при создании программы для ЭВМ как составного произведения ее автором не были соблюдены права авторов (правообладателей) использованных для ее создания объектов (программ для ЭВМ), в частности, не было получено их согласие на такое использование этих объектов.

Основанная на этих нормативных предписаниях позиция применительно к исключительному праву на производные и составные произведения сформулирована в Постановлении № 10. В пункте 88 Постановления № 10 указано, что исключительное право автора производного или составного произведения возникает в силу факта создания такого произведения, но использоваться последнее может только с согласия авторов (иных правообладателей) использованных произведений на переработку их произведения или на включение его в составное произведение. При этом использование производного или составного произведения, созданного с нарушением прав авторов (иных правообладателей) использованных произведений, является нарушением прав последних. Неправомерное использование производного или составного произведения нарушает исключительное право как правообладателя производного или составного произведения, так и правообладателей использованных произведений.

Такой подход позволяет обеспечить как конституционно допустимое соотношение прав и законных интересов авторов составных произведений и авторов (правообладателей) произведений, использованных для создания составных произведений, сохраняя за автором составного произведения, ограниченного в осуществлении его авторских прав в связи с несоблюдением

им авторских прав авторов (правообладателей) использованных произведений, возможность использовать свое произведение при выполнении указанного в законе условия, так и правовую охрану упомянутых составных произведений, защиту авторских прав их создателей, авторов (правообладателей) использованных для их создания произведений в отношениях между собой и с иными лицами (статьи 11, 12, 1225, 1250–1252 ГК РФ). Само по себе это согласуется с закрепленными в Конституции гарантиями свободного использования каждым своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, охраны интеллектуальной собственности и государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод человека и гражданина.

При этом исходя из принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства необходимо принимать во внимание и то, что при оценке правовых последствий создания программы для ЭВМ с использованием объектов (программ для ЭВМ), права на которые принадлежат иным авторам (правообладателям), и предъявления тех или иных требований, направленных на защиту своих прав, участники гражданского оборота, действующие разумно и осмотрительно, полагаются в том числе на истолкование, придаваемое положениям гражданского законодательства в приведенных разъяснениях Пленума Верховного Суда.

Так, отказ суда в защите авторских прав автора программы для ЭВМ как составного произведения по его иску к лицу, использующему эту программу в отсутствие его согласия, только на том основании, что сам истец не вправе ее использовать, поскольку им не выполнено условие о соблюдении прав авторов (правообладателей) использованных при создании программы произведений, притом что последние не обращались за защитой своих прав в установленном законом порядке, не вовлечены в конкретное судебное разбирательство в ином качестве, означает применение судом мер в связи с нарушением прав авторов (правообладателей) использованных произведений в публичных целях, связанных с пресечением нарушений в сфере интеллектуальной собственности. Однако авторы (правообладатели) использованных произведений в силу присущего гражданскому праву, гражданскому и арбитражному процессу принципа диспозитивности вправе сами определять, защищать ли им свое нарушенное право.

Соответственно, отказ суда на этом основании в защите авторских прав создателя программы для ЭВМ как составного произведения не может быть оправдан одной только целью пресечения нарушений прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных при создании указанной программы для ЭВМ, тем более если при этом оставляется без внимания возможное нарушение прав на такие использованные объекты (программы для ЭВМ) ответчиком. В таком случае отказ суда в защите авторских прав фактически осуществляется, вопреки конституционным требованиям справедливости и соразмерности, вытекающим из части 3 статьи 17, части 1 и 2 статьи 19,

части 3 статьи 55 Конституции, в интересах лица, использующего программу для ЭВМ, признанную составным произведением, в ущерб интересам ее автора, результатом творческого труда которого она является.

По существу, защита авторских прав только при условии получения согласия авторов (правообладателей) использованных объектов (программ для ЭВМ) на использование их в составном произведении ставит – в отсутствие конституционно оправданной цели – реализацию закрепленных Конституцией гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод автора программы для ЭВМ, являющейся составным произведением, в зависимости от волеизъявления третьих лиц. Невозможность защитить права автора программы для ЭВМ в рассматриваемой ситуации существенно затрудняла бы и осуществление им авторских прав впоследствии при выполнении указанного в пункте 3 статьи 1260 ГК РФ условия, что не позволяло бы говорить о соблюдении баланса интересов всех участников соответствующих правоотношений.

Выбор способа защиты права предопределяется правовыми нормами с учетом характера нарушения и фактических обстоятельств дела (определения Конституционного Суда от 21.09. 2017 № 1791-О, № 1792-О и др.), которые должны быть установлены судом при решении вопроса о том, избран ли истцом надлежащий способ защиты прав и имеются ли основания для удовлетворения конкретных требований автора составного произведения. Так, в случае взыскания автором программы для ЭВМ, являющейся составным произведением, в соответствии со статьей 1252 ГК РФ компенсации за нарушение исключительного права предполагается среди прочего учет того, что использоваться такое произведение может только при условии соблюдения прав авторов (правообладателей) использованных произведений. Принимая во внимание необходимость соблюдения требований справедливости и соразмерности, однако, нельзя игнорировать и обстоятельства использования такой программы для ЭВМ ответчиком (без требуемого на это согласия), притом, что он может использовать ее с целью извлечения прибыли.

Баланс интересов сторон соответствующих отношений надо также оценивать с учетом обстоятельств использования использованных объектов (программ для ЭВМ) автором программы для ЭВМ как составного произведения, на стороне которого может отсутствовать явная недобросовестность и неосмотрительность при создании результата интеллектуальной деятельности.

При этом в рассматриваемой ситуации пункт 3 статьи 1260 ГК РФ в истолковании, придаваемом ему правоприменительной практикой, может не гарантировать и защиту авторских прав на объекты, созданные автором собственным творческим трудом, в том числе не сопряженным с недобросовестностью с его стороны, притом что определение того, относится ли тот или иной объект к объектам авторского права, осуществляется судом в рамках своих полномочий (определение Конституционного Суда от 18.06.2020 № 1345-О), и использованные

в программе для ЭВМ как составном произведении наряду с объектами, права на которые принадлежат иным авторам (правообладателям).

Как следует из правовых позиций, выраженных Конституционным Судом в постановлении от 23.12.2013 № 29-П на основе ранее принятых решений, суд общей юрисдикции или арбитражный суд в силу статьи 120 Конституции самостоятельно решает вопрос о том, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле. Частью 2 статьи 4, частями 1 и 2 статьи 15, частью 1 статьи 19, частью 1 статьи 120 Конституции обусловлено требование единства практики применения законодательных норм всеми судами. Иное вело бы к нарушению принципа правовой определенности, подрывало бы доверие к закону участников гражданского оборота, соотносящих свои действия с законом в его официальном толковании. Как подчеркивал Конституционный Суд, в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование нормативных положений, что обязывает суд следовать такому варианту понимания и применения норм, при котором исключается возможность ущемления гарантируемых Конституцией прав и свобод человека и гражданина (постановления Конституционного Суда от 08.11.2012 № 25-П, от 08.11.2016 № 22-П, от 15.04.2020 № 18-П и др.). Однако буквальное содержание оспариваемого положения, подтвержденное судебными постановлениями по делу с участием заявителя, создавая условия для отказа суда в защите авторских прав создателя программы для ЭВМ в споре с лицом, использующим ее в отсутствие его согласия, только на том основании, что названная программа является составным произведением и ее автором не выполнено условие о соблюдении прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для ее создания, такого ущемления не исключает.

Таким образом, пункт 3 статьи 1260 ГК РФ не соответствует Конституции, поскольку в системе действующего правового регулирования он допускает отказ суда в защите авторских прав создателя программы для ЭВМ в споре с лицом, использующим указанную программу для ЭВМ в отсутствие его согласия, только на том основании, что названная программа является составным произведением и ее автором не выполнено условие о соблюдении прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для ее создания, тем более в случаях, когда ответчик также не обладает необходимыми правами на использование таких объектов (программ для ЭВМ).

Федеральному законодателю надлежит внести изменения в действующее правовое регулирование таким образом, чтобы был обеспечен баланс прав автора программы для ЭВМ, которая является составным произведением, и прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для ее создания, не исключая при этом защиту имущественных интересов автора этой программы для ЭВМ, в том числе путем взыскания компенсации за нарушение другими лицами его исключительного права.

До внесения данных изменений пункт 3 статьи 1260 ГК РФ не должен во всяком случае применяться в качестве основания для отказа в защите права авторства, права автора на имя создателя программы для ЭВМ как составного произведения и исключительного права в части предъявления требования о пресечении нарушающих право автора действий в случаях, когда ответчик тоже не вправе использовать такие объекты (программы для ЭВМ), а также для отказа в защите в полном объеме авторских прав (включая исключительные права) на ту часть программы для ЭВМ как составного произведения, которая создана самим автором такой программы и использована в ней как в составном произведении наряду с объектами (программами для ЭВМ), права на которые принадлежат иным авторам (правообладателям).

Статьи 1270, 1317, 1324 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения подпункта 6 пункта 2 статьи 1270, подпункта 8 пункта 2 статьи 1317, подпункта 1 пункта 2 статьи 1324 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 31.03.2022 № 687-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые положения противоречат Конституции, поскольку они позволяют привлечь к ответственности за публичное исполнение с помощью теле- или радиоприемника записи исполнения или фонограммы, принятой в составе сообщенной организацией эфирного вещания теле- или радиопередачи, лицо, не владеющее экземпляром результата интеллектуальной деятельности, не имеющее возможности его выбрать, т.е. при отсутствии его вины. Как полагает заявитель, взыскание компенсации за нарушение исключительных прав происходит без учета того, что вознаграждение за сообщение произведений в эфир или по кабелю уже выплачено правообладателям организациями эфирного или кабельного вещания.

Конституционный Суд установил, что подпункт 6 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ конкретизирует положения части 1 статьи 44 Конституции, пункта 1 статьи 11 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886, пункта 1 статьи 4.bis Всемирной конвенции об авторском праве от 06.09.1952 (*определение Конституционного Суда от 21.12.2011 № 1679-О-О*). Иные оспариваемые нормы также имеют целью реализацию гарантий, закрепленных в упомянутом положении Конституции.

Оспариваемые положения, не регулирующие основания гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, не могут расцениваться в качестве нарушающих в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя, в деле с участием которого суд первой инстанции указал, что имевшее место публичное исполнение музыкальных произведений направлено на повышение качества обслуживания посетителей и увеличение дохода от хозяйственной деятельности, и счел несостоятельным довод заявителя об обусловленности исполнения произведений намерением

постоянно слушать возможные оповещения о чрезвычайных обстоятельствах. Кроме того, в этом деле суд кассационной инстанции отметил, что, определяя размер компенсации за нарушение исключительных прав, суд первой инстанции учитывал среди прочего степень вины нарушителя, вероятные убытки правообладателей и требование соразмерности компенсации последствиям нарушения.

Статья 1301 ГК РФ

Конституционный Суд признал подпункт 1 статьи 1301 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 28.04.2022 № 1049-О*).

По мнению заявителя, оспариваемое положение противоречит Конституции, поскольку оно – в том числе с учетом Постановлений № 28-П и № 40-П – не позволяет на основе обстоятельств конкретного дела снизить размер компенсации за нарушение исключительного права ниже предела, установленного в этой норме. Заявитель указывает, что отсутствие у суда возможности снизить несоразмерный и несправедливый размер компенсации подрывает доверие юридических лиц и граждан к закону и суду и позволяет обогащаться истцам, безвозмездно приобретшим права на произведения, художественная ценность которых отсутствует и которые использовались ответчиками в информационных и культурных целях.

Конституционный Суд установил, что оспариваемая норма, закрепляющая один из способов расчета компенсации за нарушение исключительного права на произведение, не может – в том числе с учетом абзаца третьего пункта 3 статьи 1252 ГК РФ, позиций, выраженных в Постановлении № 28-П и Постановлении № 40-П, и разъяснений, содержащихся в пункте 64 Постановления № 10, – рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителя, перечисленные в жалобе.

Статья 1483 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения пункта 1 и подпункта 2 пункта 6 статьи 1483 ГК РФ соответствующими Конституции (*определение Конституционного Суда от 28.04.2022 № 1077-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения противоречат Конституции: пункт 1 статьи 1483 ГК РФ – как позволяющий считать, что различительной способностью не обладает товарный знак, который содержит неохранный элемент, включенный в качестве сильного элемента в охраняемые товарные знаки других лиц; подпункт 2 пункта 6 статьи 1483 ГК РФ – как допускающий вывод о том, что товарный знак с сильным неохранным словесным элементом сходен до степени смешения с товарными знаками иных правообладателей, имеющими тот же сильный неохранный словесный элемент.

Конституционный Суд установил, что оспариваемые нормы обеспечивают защиту интересов участников гражданского оборота, включая потребителей, и – в том числе с учетом содержащихся в пункте 162

Постановления № 10 разъяснений, в соответствии с которыми, в частности, при установлении сходства обозначения и товарного знака сходство лишь неохранных элементов во внимание не принимается, – не могут считаться нарушающими в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя, в деле с участием которого суд кассационной инстанции, отклоняя довод заявителя о том, что конкретный словесный элемент комбинированного обозначения является неохранным, сослался в том числе на упоминание в заявке на государственную регистрацию этого обозначения в качестве товарного знака всех его элементов как охраняемых и на признание Роспатентом неохранным только иного словесного элемента.

3. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2021 года

подготовлена 23.03.2022

Статья 3 Патентного закона Российской Федерации

Конституционный Суд признал соответствующими Конституции положения абзаца второго пункта 3 статьи 3 Патентного закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3517-1 (далее – Патентный закон) (*определение Конституционного Суда от 30.11.2021 № 2536-О*).

По мнению заявителей, оспариваемые законоположения противоречат Конституции, поскольку они позволяют продлить срок действия патента на изобретение, относящееся к лекарственному средству, если таким патентом охраняется не новое действующее вещество, а новая лекарственная форма известного действующего вещества, на применение которого ранее было получено разрешение.

Конституционный Суд указал, что сама по себе возможность продления в установленных законом случаях срока действия патента на изобретение, относящееся к такому продукту, как лекарственное средство, пестицид или агрохимикат, для применения которых требуется получение в установленном законом порядке разрешения, закреплена законодателем с учетом специфики соответствующих правоотношений и необходимости обеспечения гарантий охраны интеллектуальной собственности (часть 1 статьи 44 Конституции). Оспариваемые положения не могут рассматриваться как нарушающие в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителей, в деле с участием которых Суд по интеллектуальным правам установил, что препарат, патент на который продлен, и иной препарат, разрешение на применение которого получено, являются различными лекарственными средствами; они не являются разными лекарственными формами одного лекарственного средства.

Статья 1252 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения абзаца третьего пункта 3 статьи 1252 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 20.07.2021 № 1603-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые нормы противоречат Конституции, поскольку по смыслу, придаваемому им в пункте 64 Постановления № 10, они позволяют снижать размер компенсации за нарушение исключительного права на один результат интеллектуальной деятельности многократными повторяющимися действиями, совершенными одним лицом, ниже минимального предела, установленного ГК РФ.

Конституционный Суд установил, что сформулированные в Постановлении № 28-П правовые позиции о снижении размера компенсации за нарушение исключительного права, имеющие общий (универсальный) характер, должны учитываться не только при применении тех же самых норм ГК РФ, которые стали непосредственным предметом проверки Конституционного Суда, и лишь в контексте идентичных обстоятельств дела, но и в аналогичных ситуациях (Постановление № 40-П). При этом в Постановлении № 40-П Конституционный Суд подчеркнул, что в некоторых случаях отсутствие у суда правомочия снизить размер компенсации может повлечь – вразрез с правовыми позициями Конституционного Суда о необходимости учета фактических обстоятельств дела и вопреки требованиям справедливости и разумности – явную несоразмерность налагаемой на ответчика имущественной санкции ущербу, причиненному истцу, и тем самым нарушение баланса их прав и законных интересов.

Абзац третий пункта 3 статьи 1252 ГК РФ как сам по себе, так и в истолковании, придаваемом ему правоприменительной практикой, в частности в пункте 64 Постановления № 10, не может рассматриваться как нарушающий в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя, в деле с участием которого суды указали, что взыскание компенсации за нарушение исключительного права в размере перечисленного иному правообладателю вознаграждения является справедливым и обоснованным и что нарушение исключительного права обусловлено в том числе бездействием заявителя при заключении ответчиком дополнительного лицензионного договора с организацией по управлению правами на коллективной основе.

4. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2021 года

подготовлена 23.07.2021

Статьи 1248, 1398 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения пункта 2 статьи 1248 и пункта 1 статьи 1398 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 25.03.2021 № 546-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения противоречат Конституции, а именно:

пункт 2 статьи 1248 ГК РФ, разграничивая полномочия Роспатента по признанию патента недействительным и полномочия суда, проверяющего законность таких решений, лишает лицо возможности приводить правовые доводы, касающиеся недействительности патента, на любом этапе оспаривания, в том числе в суде, и фактически позволяет сохранять правовую охрану технических решений, предоставленную с нарушением принципа законности;

пункт 1 статьи 1398 ГК РФ во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 1229, статьями 1350, 1364, подпунктом 1, подпунктами 2 и 3 пункта 2 статьи 1375 ГК РФ допускает «двойное патентование» одного и того же технического решения в рамках группы изобретений за счет его включения в несколько независимых пунктов формулы путем различного описания; предписывает сохранять правовую охрану технического решения, повторно описанного в составе структурной формулы группы изобретений при оспаривании предоставления правовой охраны конкретному техническому решению; не допускает защиты публичных интересов и законных ожиданий, возникающих в связи с переходом технических решений в общественное достояние.

Конституционный Суд установил, что из права каждого на судебную защиту его прав и свобод, как оно сформулировано в статье 46 Конституции, не следует возможность выбора гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным категориям дел определяются, исходя из Конституции, федеральными законами (определения Конституционного Суда от 02.07.2013 № 1046-О, от 17.02.2015 № 348-О и др.); федеральный законодатель в рамках реализации своих дискреционных полномочий вправе установить случаи обязательного досудебного порядка урегулирования спора (определения Конституционного Суда от 25.10.2018 № 2570-О, от 23.07.2020 № 1788-О и др.).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд, досудебный порядок разрешения споров не только не исключает, а, напротив, предусматривает возможность для лица обратиться в суд с жалобой на решение соответствующего административного органа (постановление от 20.05.1997 № 8-П, определения от 02.10.2003 № 393-О, от 29.05.2014 № 1252-О и др.). Закрепленный ГК РФ административный (досудебный) порядок защиты интеллектуальных прав предполагает использование наиболее эффективных инструментов защиты прав граждан и их объединений и как таковой не может считаться нарушающим права граждан (определение Конституционного Суда от 10.03.2016 № 448-О).

Согласно абзацу первому пункта 137 Постановления № 10 при рассмотрении дел об оспаривании решений Роспатента и федерального органа исполнительной власти по селекционным достижениям, принятых по результатам рассмотрения возражений, заявлений, податель возражения, заявления вправе представлять доказательства, которые не были предметом исследования административного органа при вынесении оспариваемого решения, для опровержения выводов этого органа, не дополняя при этом изначально поданное возражение, заявление новыми доводами (основаниями); документы, дополняющие изначально поданное возражение, заявление, могут быть положены в основу самостоятельного возражения, заявления.

Таким образом, пункт 2 статьи 1248 ГК РФ, предусматривающий последующий судебный контроль в отношении внесудебного порядка разрешения споров, не может – в том числе с учетом упомянутых разъяснений Верховного Суда – рассматриваться как нарушающий в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя.

Пункт 1 статьи 1398 ГК РФ не может также расцениваться как нарушающий в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя, в деле с участием которого президиум Суда по интеллектуальным правам указал, что доводы о недопустимости «двойного патентования», понятие которого в кассационной жалобе раскрывается через его противоречие общественным интересам, выходят за пределы рассматриваемого спора и что по данному основанию заявитель возражение в Роспатент не подавал.

5. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2020 года

подготовлена 04.03.2021

Статья 1387 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение пункта 3 статьи 1387 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 29.09.2020 № 2221-О*).

По мнению заявителя, оспариваемое положение противоречит Конституции, поскольку практикой Суда по интеллектуальным правам ему придано истолкование, в соответствии с которым административный порядок рассмотрения спора является обязательным. Заявитель также ссылается на то, что был лишен возможности оспорить в суде решение Роспатента об отказе в выдаче патента и что Суд по интеллектуальным правам имеет возможность произвольно выбирать – рассматривать требование об оспаривании решения, принятого в результате экспертизы заявки на изобретение по существу, или решения, принятого по поданному в Роспатент возражению.

Конституционный Суд установил, что из права каждого на судебную защиту его прав и свобод, как оно сформулировано в статье 46 Конституции,

не следует возможность выбора гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным категориям дел определяются исходя из Конституции федеральными законами (определения Конституционного Суда от 02.07.2013 № 1046-О, от 17.02.2015 № 348-О и др.); в рамках реализации своих дискреционных полномочий федеральный законодатель вправе установить случаи обязательного досудебного порядка урегулирования спора (определения Конституционного Суда от 25.10.2018 № 2570-О, от 23.07.2020 № 1788-О и др.).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд, досудебный порядок разрешения споров не только не исключает, а напротив, предусматривает возможность для лица обратиться в суд с жалобой на решение соответствующего административного органа (постановление Конституционного Суда от 20.05.1997 № 8-П; определения Конституционного Суда от 02.10.2003 № 393-О, от 29.05.2014 № 1252-О и др.). Закрепленный Гражданским кодексом административный (досудебный) порядок защиты интеллектуальных прав предполагает использование наиболее эффективных инструментов защиты прав граждан и их объединений и как таковой не может считаться нарушающим права граждан (определение Конституционного Суда от 10.03.2016 № 448-О).

Оспариваемое положение, в том числе с учетом иных норм ГК РФ, в частности пункта 2 статьи 11 и пункта 2 статьи 1248 ГК РФ, предусматривающих последующий судебный контроль в отношении внесудебного порядка разрешения споров, включая споры, связанные с отказом в выдаче патента на изобретение (определение Конституционного Суда от 24.03.2015 № 663-О), не может расцениваться как нарушающее в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя.

Статья 1515 ГК РФ

Конституционный Суд признал подпункт 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не соответствующим Конституции (*постановление Конституционного Суда от 24.07.2020 № 40-П*).

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, согласно которому в контексте сложившейся правоприменительной практики оспариваемая норма не позволяет суду снизить размер компенсации за нарушение одним действием исключительного права только на один товарный знак, если правообладатель данного товарного знака использует в качестве способа защиты требование выплатить компенсацию в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака. Тем самым суд лишен возможности учесть все значимые обстоятельства дела (включая тяжелую жизненную ситуацию ответчика – индивидуального предпринимателя) и присудить сумму компенсации,

соразмерную допущенному нарушению. По мнению заявителя, такое толкование оспариваемой нормы также необоснованно ограничивает сферу действия правовых позиций, изложенных Конституционным Судом в Постановлении № 28-П.

Конституционный Суд установил, что согласно подпункту 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ, регулирующей ответственность за незаконное использование товарного знака, правообладатель вправе по своему выбору требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

В постановлении от 13.02.2018 № 8-П (далее – Постановление № 8-П) Конституционный Суд указывал, что в каждом конкретном случае меры гражданско-правовой ответственности, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивалась их соразмерность правонарушению, соблюдался баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Сформулированные в названном постановлении Конституционного Суда правовые позиции имеют общий (универсальный) характер в том смысле, что они должны учитываться не только при применении тех же самых норм ГК РФ, которые стали непосредственным предметом проверки Конституционного Суда, и лишь в контексте идентичных обстоятельств дела, но и в аналогичных ситуациях. Соответственно, и в случае взыскания за нарушение исключительного права на один товарный знак компенсации, определенной по правилам подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ, должна быть обеспечена возможность ее снижения, если размер подлежащей выплате компенсации многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (притом что убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

Оценка сопоставимости условий использования с обстоятельствами нарушения должна осуществляться судом, рассматривающим конкретное дело, а правовое регулирование не должно препятствовать нахождению баланса интересов правообладателя и индивидуальных предпринимателей –

ответчиков, притом что поиск такого баланса оказывается затруднен при формальном подходе к сопоставимости. При оценке стоимости права, которая взимается за правомерное использование товарного знака тем способом, который использовал нарушитель, следует учитывать и правила об исчерпании исключительного права на товарный знак (статья 1487 ГК РФ), предполагающие, что розничному продавцу не требуется заключать лицензионный договор с правообладателем в случае продажи товара, введенного в гражданский оборот на территории Российской Федерации правообладателем или с его согласия. Чтобы установить факт нарушения прав правообладателя товарного знака, суд оценивает представленные сторонами и истребованные от третьих лиц, в том числе лицензиатов, по ходатайству лиц, участвующих в деле, доказательства, указывающие, произведены или нет проданные индивидуальным предпринимателем товары третьими лицами – лицензиатами, получившими от правообладателя товарного знака право использовать его при производстве товаров. Одно только отсутствие лицензионного договора с индивидуальным предпринимателем не может служить безусловным доказательством нарушения прав правообладателя. В силу абзаца первого пункта 3 статьи 1252 ГК РФ компенсация подлежит взысканию лишь при доказанности факта правонарушения. При этом надо учитывать правовую позицию, выраженную в абзацах седьмом и восьмом пункта 6 мотивировочной части Постановления № 8-П.

Впредь до внесения в гражданское законодательство изменений, вытекающих из настоящего постановления, суды не могут быть лишены возможности учесть все значимые для дела обстоятельства, включая характер допущенного нарушения и тяжелое материальное положение ответчика, и при наличии соответствующего заявления от него снизить размер компенсации ниже установленной подпунктом 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ величины. При этом – с целью не допустить избыточного вторжения в имущественную сферу ответчика, с одной стороны, и лишить его стимулов к бездоговорному использованию объектов интеллектуальной собственности, с другой, – размер такой компенсации может быть снижен судом не более чем вдвое (т.е. не может составлять менее стоимости права использования товарного знака). Кроме того, снижением размера компенсации за нарушение исключительного права не могут подменяться как установление судом обстоятельств рассматриваемого им дела, так и исследование им доказательств, относящихся к допущенному нарушению и к условиям правомерного использования товарного знака, на стоимость которого ссылается истец.

6. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2020 года

подготовлена 04.09.2020

Статья 1252 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пункта 4 статьи 1252 ГК (*определение Конституционного Суда от 27.02.2020 № 388-О*).

С точки зрения заявителя, оспариваемое положение противоречит Конституции, поскольку оно позволяет по требованию правообладателя, по вине которого истек срок годности товара, возлагать на импортера обязанность изъять и уничтожить за свой счет этот товар.

Конституционный Суд определил, что защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности должна осуществляться с соблюдением вытекающих из Конституции требований справедливости, равенства и соразмерности, а также запрета на реализацию прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, т.е. таким образом, чтобы обеспечивался баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота (Постановления № 28-П и Постановление № 8-П).

Положения ГК РФ позволяют относить к контрафактным товарам как поддельную продукцию, так и снабженный товарным знаком на законных основаниях товар, но импортированный в Россию без согласия правообладателя. В Постановлении № 8-П Конституционный Суд указал на возможность отказа в удовлетворении предъявленного на основании п. 4 ст. 1252 ГК РФ требования правообладателя, осуществляющего исключительное право на товарный знак в противоречии с вытекающим из Конституции гражданско-правовым принципом добросовестности. Ввезенные на территорию России в порядке параллельного импорта товары могут быть изъяты из оборота и уничтожены лишь в случае установления их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей, что, однако, не исключает применения иных последствий нарушения исключительного права на товарный знак с учетом содержащегося в названном постановлении конституционно-правового истолкования положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ.

Оспариваемая норма, позволяющая с учетом выраженных в данном постановлении Конституционного Суда позиций удовлетворять требование действующего добросовестно правообладателя об изъятии из оборота и уничтожении без какой бы то ни было компенсации контрафактного товара в случае установления его ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей, направлена на защиту интересов участников гражданского оборота, в том числе правообладателя и потребителей, и не может расцениваться как нарушающая в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права и свободы заявителя, в деле с участием которого требование правообладателя о запрете совершения заявителем любых действий, связанных с использованием товарного знака на товарах, было удовлетворено, а суд кассационной инстанции указал, что введение товаров в оборот угрожало бы жизни и здоровью людей.

Статья 1483 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения абзаца 5 пункта 6 статьи 1483 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 27.02.2020 № 422-О*).

По мнению заявителя, оспариваемое положение противоречит Конституции, поскольку оно не позволяет правообладателю, давшему согласие на регистрацию в качестве товарного знака обозначения, сходного до степени смешения с его товарным знаком, оспаривать предоставление правовой охраны такому товарному знаку в связи с его способностью ввести потребителя в заблуждение относительно товара либо его изготовителя (подпункт 1 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ).

Конституционный Суд установил, что абзац 5 пункта 6 статьи 1483 ГК РФ направлен на обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота и не может расцениваться как нарушающий в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права и свободы заявителя. В деле с участием заявителя суд отметил, что он не ссылаясь на подпункт 1 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ как самостоятельное основание для оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку, и указал, что не подлежат судебной защите интересы правообладателя, давшего согласие на регистрацию оспариваемого товарного знака и заверившего, что оно не может быть отозвано (эстоппель, пункт 2 статьи 10 ГК РФ).

Статьи 1242, 1243, 1244, 1263 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пункта 5 статьи 1242, абзаца 1 пункта 1 и пункта 2 статьи 1243, статьи 1244, пункта 3 статьи 1263 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 23.04.2020 № 947-О*).

По мнению заявителя, оспариваемые нормы противоречат Конституции, поскольку они допускают возложение на пользователя обязанности уплатить по договору с организацией по управлению правами на коллективной основе определенный процент от валового дохода от реализации билетов независимо от наличия оснований для сбора вознаграждения, т.е. без учета использования в составе аудиовизуальных произведений охраняемых музыкальных произведений, принадлежности авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности физическим либо юридическим лицам, наличия лицензионных соглашений между пользователем и правообладателем и полномочий у организации по сбору вознаграждения в пользу авторов (правообладателей) – иностранных юридических лиц.

Конституционный Суд установил, что пункт 5 статьи 1242, абзац 1 пункта 1 статьи 1243 и статья 1244 ГК РФ направлены на защиту интересов авторов, исполнителей, изготовителей фонограмм и иных обладателей авторских и смежных прав в случаях, когда осуществление их прав в индивидуальном порядке затруднено или когда данным Кодексом

допускается использование объектов авторских и смежных прав без согласия обладателей соответствующих прав, но с выплатой им вознаграждения.

Пункт 2 статьи 1243 ГК РФ, предусматривающий, что, если лицензионный договор с пользователем заключает непосредственно правообладатель, организация по управлению правами на коллективной основе может собирать вознаграждение за использование объектов авторских и смежных прав только при условии, что это прямо предусмотрено указанным договором, имеет целью обеспечение баланса интересов пользователей и правообладателей.

Пункт 3 статьи 1263 ГК РФ, направленный с учетом специфики аудиовизуального произведения как объекта интеллектуальной собственности на защиту прав авторов музыкального произведения (с текстом или без текста), использованного в аудиовизуальном произведении, вопросы о порядке выплаты вознаграждения таким авторам не разрешает (определения Конституционного Суда от 30.09. 2010 № 1354-О-О и от 28.02.2017 № 429-О).

Оспариваемые нормы не могут расцениваться как нарушающие в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права и свободы заявителя, в деле с участием которого суд первой инстанции указал, что определение размера вознаграждения с учетом дохода пользователя в договоре с аккредитованной организацией по управлению правами на коллективной основе осуществлено в рамках свободы договора (статья 421 ГК РФ).

Статьи 1259, 1263 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пунктов 1 и 7 статьи 1259, статьи 1263 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 18.06.2020 № 1345-О*).

По утверждению заявителя (Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда), оспариваемые нормы противоречат Конституции, поскольку они позволяют предоставлять изначально созданным в качестве частей аудиовизуального произведения изображениям (рисункам) персонажей правовую защиту как самостоятельным произведениям изобразительного искусства. Заявитель указывает следующее: в случае предъявления требования в защиту исключительных прав на персонажи как часть аудиовизуального произведения действия ответчика расцениваются в качестве одного нарушения и в то же время в делах по искам о защите исключительных прав на изображения персонажей (рисунки) суды исходят из того, что одним действием ответчика нарушаются исключительные права на несколько объектов авторского права; это свидетельствует о наличии противоречивой правоприменительной практики по соответствующим спорам. Заявитель также полагает, что предоставление судебной защиты нарушенного права должно определяться не содержанием иска, а существом правонарушения, и считает, что, квалифицируя объект авторского права, следует отдавать приоритет волеизъявлению автора при создании конкретного объекта. С точки зрения заявителя, предоставление правообладателю возможности предъявить

требования в защиту исключительных прав и на аудиовизуальное произведение, и на произведения изобразительного искусства означает, что он может взыскать двойную компенсацию за нарушение исключительных прав.

Конституционный Суд установил, что согласно ГК РФ объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения (абзац первый пункта 1 статьи 1259 ГК РФ). Правовая охрана предоставляется произведению с учетом формы, в которой выражено его содержание, и позволяют судам в рамках своих полномочий определять, относится ли тот или иной объект к объектам авторского права.

Согласно статье 1263 ГК РФ аудиовизуальным произведением является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств (пункт 1 статье 1263 ГК РФ); каждый автор произведения, вошедшего составной частью в аудиовизуальное произведение, как существовавшего ранее (автор произведения, положенного в основу сценария, и другие), так и созданного в процессе работы над ним (оператор-постановщик, художник-постановщик и другие), сохраняет исключительное право на свое произведение, за исключением случаев, когда это исключительное право было передано изготовителю или другим лицам либо перешло к изготовителю или другим лицам по иным основаниям, предусмотренным законом (пункт 5 статье 1263 ГК РФ).

Следовательно, приобретение одним лицом исключительных прав на аудиовизуальное произведение и вошедшие в него произведения не влияет на правовую охрану соответствующих объектов интеллектуальной собственности и возможность распоряжаться исключительными правами на них в дальнейшем. Такое регулирование учитывает специфику аудиовизуального произведения как сложного объекта (статья 1240 ГК РФ) и развивает пункт 1 статьи 14*bis* Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года о том, что кинематографическое произведение подлежит охране в качестве оригинального произведения без ущерба авторским правам на любое произведение, которое могло быть переделано или воспроизведено. Кроме того, тем самым обеспечивается защита личных неимущественных прав авторов всех произведений, использованных при создании сложного объекта.

К отношениям, возникающим в связи с созданием аудиовизуального произведения, в полной мере применим пункт 7 статьи 1259 ГК РФ, предусматривающий, что авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонаж произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают требованиям, установленным пунктом 3 статьи 1259 ГК РФ. Так, в качестве частей аудиовизуального

произведения в правоприменительной практике рассматриваются его отдельные кадры (пункт 81 Постановления № 10).

По смыслу пункта 7 статьи 1259 ГК РФ в истолковании, придаваемом ему правоприменительной практикой (пункт 82 Постановления № 10), персонажем является не любое действующее лицо; истец, обращаясь в суд за защитой прав именно на персонаж как часть произведения, должен обосновать, что такой персонаж существует как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности; при этом учитывается, обладает ли конкретное действующее лицо произведения достаточными индивидуализирующими его характеристиками, и при подтверждении их наличия его охраноспособность в качестве персонажа презюмируется; ответчик вправе оспаривать такую охраноспособность; воспроизведением персонажа признается изготовление экземпляра, в котором используется, например, текст, содержащий описание персонажа, или конкретное изображение (в том числе кадр мультипликационного фильма), или индивидуализирующие персонажа характеристики (детали образа, характера и (или) внешнего вида, которые характеризуют его и делают узнаваемым).

Таким образом, при условии, что аудиовизуальное произведение (его части) и вошедшее в него произведение изобразительного искусства имеют самостоятельную объективную форму, одновременное их признание объектами интеллектуальной собственности само по себе не может расцениваться как нарушающее какие-либо конституционные права.

Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты; граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе (пункт 1 и абзац первый пункта 2 статьи 1 ГК РФ). Реализацию названных гарантий обеспечивает и процессуальное законодательство, основанное на конституционно значимом принципе диспозитивности, который, в частности, означает, что процессуальные отношения в гражданском судопроизводстве возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорного материального правоотношения, имеющих возможность с помощью суда распоряжаться своими процессуальными правами, а также спорным материальным правом (постановления Конституционного Суда от 05.02.2007 № 2-П, от 26.05.2011 № 10-П и др.).

Соответственно, при предъявлении требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права именно истцу необходимо указать, право на какой объект интеллектуальной собственности он считает нарушенным. К компетенции же суда, рассматривающего дело, относится

определение того, принадлежит ли это право истцу и нарушено ли оно ответчиком.

Специфика объектов интеллектуальной собственности такова, что одним действием могут быть нарушены исключительные права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации. Данное нарушение может заключаться в выражении нескольких объектов интеллектуальной собственности в одном материальном носителе. Из этого исходит и правоприменительная практика (пункт 68 Постановления № 10).

Как указывал Конституционный Суд, при взыскании компенсации за нарушение исключительного права на объект интеллектуальной собственности защита имущественных прав правообладателя должна осуществляться с соблюдением вытекающих из Конституции требований справедливости, равенства и соразмерности, а также запрета на реализацию прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, – т.е. так, чтобы обеспечивался баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота (Постановление № 28-П и Постановление № 8-П; определения от 26.11.2018 № 2999-О, от 28.11.2019 № 3035-О и др.).

На обеспечение такого баланса в случае нарушения одним действием исключительных прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих одному правообладателю, направлено положение абзаца третьего пункта 3 статьи 1252 ГК РФ, позволяющее суду снизить размер компенсации за это нарушение. С учетом позиций, выраженных в Постановлении № 28-П, размер компенсации может быть определен судом и ниже установленного в законе минимального предела.

7. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2019 года

подготовлена 28.02.2020

Статьи 1483, 1508 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения подпункта 3 пункта 6 статьи 1483 и статьи 1508 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 19.09.2019 № 2145-О*).

С точки зрения заявителя (Суда по интеллектуальным правам), оспариваемые законоположения в их взаимосвязи не соответствуют Конституции, в той мере, в какой они позволяют противопоставлять спорному товарному знаку общеизвестный товарный знак, не только не признанный таковым на дату приоритета первого товарного знака, но и в отношении которого на эту дату не была подана заявка о признании его общеизвестным.

Кроме того, оспариваемые нормы, позволяя правообладателю произвольно определять дату, с которой его товарный знак будет признан общеизвестным по решению Роспатента, не отвечают конституционным требованиям к охране интеллектуальной собственности правообладателей

товарных знаков, не обеспечивая надлежащие гарантии свободного использования ими своего имущества и защиты их прав, в том числе в суде.

Как отметил Конституционный Суд, общеизвестность товарного знака (используемого в качестве товарного знака обозначения) является фактом объективной действительности и процедура признания такого товарного знака (обозначения) общеизвестным товарным знаком имеет целью подтверждение или опровержение данного факта, а не его возникновение.

Таким образом, оспариваемые нормы, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, исключают произвольное определение правообладателем даты, с которой его товарный знак может быть признан общеизвестным решением Роспатента.

Согласно пункту 3 статьи 1512 ГК РФ предоставление правовой охраны общеизвестному товарному знаку путем его регистрации в Российской Федерации может быть оспорено и признано недействительным полностью или частично в течение всего срока действия исключительного права на этот товарный знак, если правовая охрана была ему предоставлена с нарушением требований пункта 1 статьи 1508 ГК РФ. В соответствии с пунктом 2 статьи 1514 ГК РФ правовая охрана общеизвестного товарного знака прекращается, в частности, по решению Роспатента в случае утраты общеизвестным товарным знаком признаков, установленных абзацем первым пункта 1 статьи 1508 ГК РФ.

Приведенные предписания в системном единстве с положениями пункта 1 статьи 1508 ГК РФ исключают признание в качестве общеизвестного товарного знака (используемого в качестве товарного знака обозначения) хотя и отвечавшего ранее признакам общеизвестного товарного знака, но переставшего им соответствовать на момент подачи его правообладателем заявления о признании данного товарного знака (обозначения) общеизвестным.

Следовательно, правообладатель товарного знака (используемого в качестве товарного знака обозначения) обязан вместе с заявлением в Роспатент о признании его товарного знака (обозначения) общеизвестным товарным знаком представить материалы, подтверждающие общеизвестность товарного знака или обозначения не только на самостоятельно избранную им дату приоритета, но и к моменту подачи данного заявления.

В случае противопоставления общеизвестного товарного знака спорному товарному знаку правообладатель последнего не лишен возможности в рамках надлежащей административной или судебной процедуры представлять доказательства отсутствия общеизвестности противопоставленного общеизвестного товарного знака на дату приоритета его товарного знака.

8. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2019 года

подготовлена 27.12.2019

Статья 1484 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащим Конституции положение пункта 1 статьи 1484 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 25.06.2019 № 1614-О*).

С точки зрения заявителя, оспариваемое положение противоречит Конституции, поскольку оно не позволяет считать нарушением исключительного права на товарный знак использование обозначения, сходного до степени смешения с товарным знаком, в период с даты приоритета товарного знака до даты его государственной регистрации и препятствует защите правообладателем нарушенного права, в частности взысканию с нарушителя компенсации, предусмотренной подпунктом 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ.

Конституционный Суд установил, что, как и право собственности, интеллектуальные права подлежат защите исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды (Постановление № 8-П). При взыскании компенсации за нарушение исключительного права на объект интеллектуальной собственности защита имущественных прав правообладателя должна осуществляться с соблюдением вытекающих из Конституции требований справедливости, равенства и соразмерности, а также запрета на реализацию прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, то есть таким образом, чтобы обеспечивался баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота (Постановление № 8-П и определение Конституционного Суда от 26.11.2018 № 2999-О).

Пункт 1 статьи 1484 ГК РФ об исключительном праве на товарный знак конкретизирует положения статьи 1229 «Исключительное право» ГК РФ и направлен на достижение необходимой определенности регулирования соответствующих правоотношений (определение Конституционного Суда от 29.01.2019 № 152-О). Данное положение в системе действующего правового регулирования, в том числе норм о запрете действий, способных вызвать смешение с товарами конкурента (статья 10.bis Парижской конвенции; пункт 2 статьи 14.6 Закона о защите конкуренции), а также правил ГК РФ о недопустимости извлечения преимущества из незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ) и пределах осуществления гражданских прав (статья 10 ГК РФ), не препятствует защите интересов лица, подавшего заявку на регистрацию товарного знака в случае совершения участниками гражданского оборота действий, которые признаются недобросовестной конкуренцией, до такой регистрации.

Таким образом, с учетом того, что государственная регистрация вновь вводимых в оборот товарных знаков носит правообразующий характер (Постановление № 28-П), оспариваемая норма сама по себе не может расцениваться как нарушающая в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя.

9. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2018 года

подготовлена 12.04.2019

Статья 1232 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащим Конституции положение пункта 6 статьи 1232 ГК РФ (*постановление Конституционного Суда от 03.07.2018 № 28-П*).

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании решаются вопросы о переходе исключительного права на товарный знак к юридическому лицу, реорганизованному путем присоединения к нему другого юридического лица - правообладателя данного товарного знака, и о возможности продления срока действия исключительного права на него по ходатайству юридического лица - правопреемника правообладателя товарного знака, притом что за государственной регистрацией перехода исключительного права на данный товарный знак правопреемник в Роспатент ранее не обращался.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции, поскольку оно предполагает, что:

при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица - обладателя исключительного права на товарный знак к другому юридическому лицу исключительное право на товарный знак считается перешедшим к последнему с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица, притом что реализация правомочий, составляющих содержание данного права, в полном объеме возможна только при условии государственной регистрации состоявшегося перехода права в установленном порядке;

при решении вопроса о продлении срока действия исключительного права на товарный знак по заявлению юридического лица, к которому исключительное право на этот товарный знак перешло в результате реорганизации в форме присоединения к нему другого юридического лица, при отсутствии государственной регистрации его перехода обеспечивается рассмотрение данного вопроса одновременно с вопросом о государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак.

Конституционным Судом также отмечено:

требование зарегистрировать переход данного права в качестве условия совершения уполномоченным органом по обращению правообладателя относящихся к его компетенции юридически значимых действий представляется оправданным;

из пункта 6 статьи 1232 ГК РФ в системном единстве с пунктом 4 статьи 57 и пунктом 2 статьи 58 ГК РФ следует, что при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица к другому юридическому лицу исключительное право на товарный знак переходит к правопреемнику и подлежит защите с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица, притом что реализация правомочий, составляющих содержание данного права в полном объеме, возможна только при условии государственной регистрации его состоявшегося перехода;

если лицо, к которому переходит исключительное право на товарный знак, не обратилось за государственной регистрацией перехода данного права после завершения реорганизации, то риск возможных неблагоприятных последствий для взаимоотношений с третьими лицами лежит на нем как на правообладателе;

пункт 6 статьи 1232 ГК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагает – применительно к случаям перехода исключительного права на товарный знак при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица к другому юридическому лицу – рассмотрение Роспатентом вопроса о государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак одновременно с вопросом о продлении срока действия данного права по обращению обладателя исключительного права на товарный знак, что не отменяет уплаты пошлины, если она предусмотрена законом, за каждое из совершаемых уполномоченным органом юридически значимых действий.

10. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2018 года

подготовлена 16.11.2018

Статья 1487 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1, 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ (*постановление Конституционного Суда от 13.02.2018 № 8-П*).

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о привлечении к ответственности лица за нарушение исключительного права на товарный знак посредством ввоза соответствующих товаров на территорию Российской Федерации без

согласия обладателя данного исключительного права для их введения в гражданский оборот.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции, поскольку:

закрепленный федеральным законодателем национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак применяется во взаимосвязи с регулированием принципа исчерпания прав международными договорами, участником которых является Российская Федерация;

не исключается правомочие суда отказать полностью или частично в применении последствий ввоза на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя товарного знака применение по его требованию таких последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов. При этом следование правообладателя товарного знака режиму санкций против Российской Федерации, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение;

не предполагается применение при ввозе на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака партии товара, на котором товарный знак размещен им или с его согласия, таких же по размеру (тяжести последствий) мер гражданско-правовой ответственности, как при ввозе поддельного (на котором товарный знак размещен не правообладателем и не с его согласия) товара, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечет для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара;

товары, на которых товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, ввезенные на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя, могут быть изъяты из оборота и уничтожены в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак лишь в случае их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

11. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2017 года

подготовлена 22.12.2017

Статья 1487

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения статьи 1487 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 25.05.2017 № 1150-О*).

Данные законоположения оспаривались в той части, в которой, по мнению заявителя, в силу закрепляемого ими национального принципа исчерпания исключительного права на товарный знак лишают его прав на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, поскольку предоставляют необоснованные преимущества правообладателю, позволяющие влиять на импорт товаров на территорию Российской Федерации.

Конституционный Суд указал, что оспариваемое законоположение само по себе не может рассматриваться как противоречащее статье 34 Конституции, поскольку не предопределяет конкретные правовые последствия, наступающие при пересечении товаром таможенной границы. В соответствующих правоотношениях оно применяется в системном единстве с положениями таможенного законодательства (в том числе положениями главы 42 «Меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности» Федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», главы 46 «Особенности совершения таможенных операций в отношении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности» Таможенного кодекса Таможенного союза и др.).

12. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2016 года

подготовлена 22.09.2017

Статьи 1301, 1311, 1515 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ как предусматривающие в качестве специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предоставление правообладателю возможности в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 ГК РФ требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации в случае нарушения прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации в результате совершения лицом при осуществлении им предпринимательской деятельности одного противоправного действия (*постановление Конституционного Суда от 13.12.2016 № 28-П*).

В то же время Конституционный Суд признал положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не соответствующими Конституции в той мере, в какой в системной связи с пунктом 3 статьи 1252 ГК РФ и другими его положениями они не позволяют суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, определить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным законом правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (при том что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

13. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2016 года

подготовлена 24.03.2017

Статьи 1483 ГК РФ, 7 Закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения абзаца четвертого пункта 3 статьи 7 Закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (далее – Закон о товарных знаках) и подпункта 2 пункта 9 статьи 1483 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 28.01.2016 № 123-О*).

Указанные нормы оспаривались на том основании, что содержащиеся в них положения о праве наследников на предоставление разрешений на регистрацию товарных знаков фактически являются основанием для умаления чести и достоинства граждан, а также их права на судебную защиту, поскольку ставят возможность такой защиты прав умершего лица в зависимость от наличия у его родственника статуса наследника, а также не позволяют защищать имя и деловую репутацию такого лица наследникам, не являющимся его родственниками.

Конституционный Суд отметил, что оспариваемые нормы в системной взаимосвязи с положениями ГК РФ, закрепляющими, в частности, пределы использования имени физического лица или его псевдонима другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности, а также предусматривающими способы, порядок и условия восстановления самим гражданином, а в случае его смерти – другими лицами (в том числе не являющимися наследниками этого гражданина) нематериальных благ, затронутых при таком использовании, и в том числе применительно к охране частной жизни умершего гражданина – его детьми, родителями и пережившим супругом (пункт 5 статьи 19, статьи 150 и 152.2 ГК РФ), а также с подпунктом 2 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ, которым установлен запрет государственной регистрации в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали, – направлены на реализацию положений статьи 8, части 4 статьи 15, части 3 статьи 17, части 1 статьи 21, статей 34, 35, части 1 статьи 44 и части 3 статьи 55 Конституции во взаимосвязи с пунктами 1 и 3 части «В» статьи 6. quinquies, статьей 10. bis Парижской конвенции и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Статья 1268 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пунктов 1 и 2 статьи 1268 ГК РФ во взаимосвязи со статьями 1236, 1228, 1229, 1255, 1257, 1259, 1260, 1285, 421, 422, 433, 434, 437, 438 и 425 ГК РФ (*определение Конституционного Суда от 28.01.2016 № 164-О*).

Данные положения оспаривались на том основании, что они препятствуют выплате авторского вознаграждения при передаче произведения автором другому лицу для использования, включая обнародование.

Конституционный Суд указал, что оспариваемые нормы, находясь в неразрывной системной связи с пунктом 5 статьи 1235, пунктом 3 статьи 1286 и иными положениями ГК РФ и определяя объем права автора произведения на его обнародование, а также закрепляя, что автор, передавший другому лицу по договору произведение для использования, считается согласившимся на обнародование этого произведения, не исключают обязанность лицензиата выплатить автору произведения вознаграждение в размере и порядке, предусмотренном лицензионным договором. Таким образом, нормы пунктов 1 и 2 статьи 1268 ГК РФ не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Статьи 1248, 1398, 1406 ГК РФ

Конституционный Суд признал не противоречащими Конституции положения пункта 2 статьи 1248, пункта 2 статьи 1398,

пункта 2 статьи 1406 ГК РФ и Правил подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам, утвержденных приказом Российского агентства по патентам и товарным знакам от 22.04.2003 № 56 (далее – Правила № 56) по запросу Суда по интеллектуальным правам (*определение Конституционного Суда от 10.03.2016 № 448-О*).

Данные положения Судом по интеллектуальным правам оспаривались в той части, в какой не содержат указаний на сроки рассмотрения в обязательном порядке досудебных споров о признании патентов недействительными, поскольку оспаривание действительности патента (выдача патента с нарушением условия патентоспособности «новизна») допускается только во внесудебном (административном) порядке, а отсутствие в законе сроков рассмотрения таких споров наделяет государственный орган ничем, по существу, не ограниченным полномочием определять эти сроки по собственному усмотрению.

Конституционный Суд указал, что гарантированное частью 2 статьи 46 Конституции право на обжалование в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц не может быть ограничено даже в условиях чрезвычайного положения; досудебный порядок разрешения споров не только не исключает, а, напротив, предусматривает возможность для лица обратиться в суд с жалобой на решение соответствующего административного органа (постановление Конституционного Суда от 20.05.1997 № 8-П; определения Конституционного Суда от 02.10.2003 № 393-О, от 29.05.2014 № 1252-О, от 24.03.2015 № 663-О и др.).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда чрезмерные или неопределенные сроки разрешения споров приводят к нестабильности правовых отношений, создавая неопределенность как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в этой связи процессуальных правоотношениях (постановление Конституционного Суда от 05.02.2007 № 2-П и др.). Отсутствие нормативно установленных сроков рассмотрения споров во внесудебном (административном) порядке может повлечь за собой наделение государственного органа ничем, по сути, не ограниченными полномочиями определять, когда будет рассмотрен тот или иной спор, что также недопустимо в силу части 1 статьи 46 Конституции, которая в системной связи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950) предполагает, что в случае возникновения спора должно быть гарантировано право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок.

Правила № 56 указаний в отношении сроков рассмотрения споров не содержат. В то же время Правилами рассмотрения и разрешения споров по защите нарушенных интеллектуальных прав на селекционные достижения, утвержденными приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 31.10.2007 № 559, предусмотрены сроки рассмотрения данных споров во исполнение пункта 3 статьи 1248 ГК РФ

(в частности, шесть месяцев со дня подачи соответствующего заявления при отсутствии необходимости в проведении дополнительных испытаний). Такая ситуация чревата необоснованным отступлением от принципа правового равенства между субъектами экономической деятельности, вытекающего из взаимосвязанных положений части 1 статьи 19, части 1 статьи 34 и части 1 статьи 44 Конституции.

Как указал Конституционный Суд, обязанность по устранению возникшей неопределенности лежит не на федеральном законодателе, а на органах исполнительной власти, которые должны своевременно обеспечить необходимое нормативное правовое регулирование с учетом надлежащего баланса между конституционными гарантиями права каждого получить судебную защиту его нарушенного права в разумные сроки и без необоснованных препятствий, с одной стороны, и реально имеющимися у государственного органа административными ресурсами по досудебному рассмотрению соответствующих обращений с учетом его загруженности и иных объективных обстоятельств, с другой стороны, равно как и исполнение нормативных предписаний, с тем чтобы не породить необоснованные ограничения чьих-либо конституционных прав и свобод. При этом судебный контроль за законностью таких нормативных правовых актов и действий (бездействия) органов исполнительной власти в сфере предпринимательской деятельности осуществляется соответствующими судами в пределах и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

14. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2015 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 10 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения статьи 10 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 16.07.2015 № 1696-О*).

Данные положения оспаривались на том основании, что они с учетом правоприменительной практики допускают возможность признания актом недобросовестной конкуренции и злоупотреблением правом самих по себе действий заявителя по подаче в Роспатент возражения против предоставления правовой охраны товарного знака и последующего обращения в суд с соответствующим требованием без рассмотрения по существу его доводов и их надлежащей правовой оценки.

Конституционный Суд указал, что положения пунктов 1 и 2 статьи 10 ГК РФ, устанавливающие запрет злоупотребления правом в любых формах и правовые последствия злоупотребления правом, направлены на реализацию принципа, закрепленного в части 3 статьи 17 Конституции (определения Конституционного Суда

от 18.01.2011 № 8-О-П, от 22.03.2012 № 489-О-О, от 17.07.2014 № 1808-О и др.), неопределенности не содержат и сами по себе не могут расцениваться как нарушающие конституционные права.

**Статья 4 ГК РФ, статья 7 Федерального закона от 12.03.2014
№ 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую
Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные
законодательные акты Российской Федерации»**

Конституционный Суд признал правила действия закона во времени согласно части 7 статьи 7 Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ) и пункту 1 статьи 4 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 02.07.2015 № 1539-О*).

Данные положения оспаривались в той мере, в какой не позволяют придать обратную силу подпункту 6 пункта 1 статьи 1274 ГК РФ в новой редакции, чем нарушают права лиц, осуществлявших в образовательных организациях без цели извлечения прибыли публичное исполнение правомерно обнародованных произведений путем их представления в живом исполнении без согласия автора.

Конституционный Суд неоднократно указывал, что придание обратной силы закону – исключительный тип его действия во времени, использование которого относится к прерогативе законодателя; обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида (уголовное законодательство, пенсионное законодательство); в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица, обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон (решение Конституционного Суда от 01.10.1993 № 81-р, определения Конституционного Суда от 25.01.2007 № 37-О-О, от 15.04.2008 № 262-О-О, от 20.11.2008 № 745-О-О, от 16.07.2009 № 691-О-О, от 23.04.2015 № 821-О и др.).

В развитие приведенной правовой позиции Конституционный Суд отмечал, что только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие, либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утративших силу норм (постановление Конституционного Суда от 22.04.2014 № 12-П; определения Конституционного Суда от 18.01.2005 № 7-О, от 29.01.2015 № 211-О и др.).

Данный подход обусловлен необходимостью достижения соразмерности при соблюдении интересов общества и условий защиты основных прав личности, обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, а потому вопрос придания обратной силы закону, изменяющему обязательства юридически равных участников гражданского правоотношения,

требует дифференцированного подхода, обеспечивающего сбалансированность и справедливость соответствующего правового регулирования, не допускающего ущемления уже гарантированных прав и законных интересов одной стороны и умаления возможностей их защиты в пользу другой.

Федеральный законодатель, вводя в правовое регулирование в соответствии с общим порядком действия закона во времени норму, предусматривающую расширенный по сравнению с прежним регулированием перечень случаев свободного использования произведений для определенных категорий пользователей, и уменьшая тем самым объем исключительных прав авторов, принимая во внимание, что свобода творчества, принадлежащая одним лицам, и свобода доступа к культурным ценностям, принадлежащая другим, в их конституционно-правовом понимании имеют один и тот же объект, исходил из отсутствия необходимости придания обратной силы вводимым мерам, поскольку автор (или иной правообладатель) вправе рассчитывать на то, что его правомерные ожидания, основанные на действовавшем на момент возникновения соответствующих правоотношений правовом регулировании, обусловленные результатом его интеллектуальной деятельности, его творческого труда и приобретенным исключительным правом на данный результат, будут учтены в процессе преобразования соответствующего правового регулирования, тем более что до вступления в силу Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ в рассматриваемых случаях ему предоставлялась возможность защиты своих прав всеми предусмотренными ГК РФ способами.

15. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2014 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 1244 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения части четвертой ГК РФ относительно возможности осуществления управления правами и сбора вознаграждения организациями по управлению правами на коллективной основе при отсутствии заключенного с правообладателями договора не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 06.11.2014 № 2531-О*).

Указанные положения оспаривались на том основании, что они не согласуются с принятым на себя Российской Федерацией обязательством пересмотреть систему коллективного управления правами в целях отмены недоговорного управления правами в течение пяти лет после вступления в силу части четвертой ГК РФ (параграф 1218 Доклада Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к Всемирной торговой организации). Поскольку названный срок истек 1 марта 2013 года, соответственно, с этого

момента возникла коллизия между нормами федерального закона и ратифицированного Российской Федерацией международного договора.

Конституционный Суд указал, что оспариваемое положение направлено на обеспечение права на получение вознаграждения правообладателями посредством реализации аккредитованной организацией по управлению правами на коллективной основе возложенной на нее обязанности по управлению правами и сбору вознаграждения в интересах правообладателей, и тем самым – на реализацию положений части 1 статьи 44 Конституции.

При этом Конституционный Суд отметил, что определение возможных способов исполнения обязательства Российской Федерации согласно параграфу 1218 указанного Доклада, в том числе решение вопроса о внесении необходимых изменений во внутреннее законодательство, осуществляется Российской Федерацией самостоятельно. Решение вопроса о возможности непосредственного применения данного положения, как связанного с толкованием соответствующего положения международного договора, не входит в полномочия Конституционного Суда. Кроме того, Конституционный Суд отметил, что не уполномочен на проверку соответствия действующих в Российской Федерации законов международно-правовым актам.

Статья 1301 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение абзаца третьего статьи 1301 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 20.11.2014 № 2595-О*).

Указанное положение оспаривалось в той мере, в какой оно с учетом правоприменительной практики позволяет суду снижать размер компенсации, исчисляемый исходя из двукратной стоимости права использования произведения.

Конституционный Суд указал, что положение абзаца третьего статьи 1301 ГК РФ, воспроизведенное по существу в пункте 3 данной статьи в редакции Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ, наделяет автора или иного правообладателя правом требовать выплаты компенсации за неправомерное использование произведения науки, литературы и искусства, что направлено на защиту исключительных прав и не может рассматриваться как нарушение конституционных прав.

При этом пункт 3 статьи 1252 ГК РФ, к которому отсылает статья 1301 ГК РФ и который устанавливает, в каких случаях правообладатель вправе при нарушении исключительного права требовать от нарушителя выплаты компенсации и от чего зависит ее размер, определяемый судом в установленных законом пределах, не обжаловался и поэтому Конституционным Судом не рассматривался.

Статья 1311 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение статьи 1311 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 23.12.2014 № 2984-О*).

Указанное положение оспаривалось на том основании, что установление минимального предела компенсации, по мнению заявителя, нарушает гарантированные Конституцией права, поскольку не позволяет на основе принципа состязательности сторон доказать, что исчисленный размер компенсации не отвечает принципам разумности и справедливости, а также несоизмерен последствиям нарушения.

Оспариваемое положение наделяет обладателя исключительного права наряду с использованием других применимых способов защиты и мер ответственности также правом в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 ГК РФ требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда.

Конституционный Суд пришел к выводу, что данное законоположение, как носящее по существу отсылочный характер, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права.

16. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2014 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 1260 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение пункта 1 статьи 1260 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 29.05.2014 № 1079-О*).

Данное положение оспаривалось в той части, в какой в соответствии с его толкованием в правоприменительной практике исключительные права переводчика распространяются только на перевод произведения, который был им осуществлен, и не распространяются на перевод имен персонажей самого произведения.

Конституционный Суд указал, что пункт 1 статьи 1260 ГК РФ, согласно которому переводчику, а также автору иного производного произведения принадлежат авторские права соответственно на осуществленные перевод и иную переработку другого (оригинального) произведения, направлен на реализацию положений части 1 статьи 44 Конституции путем защиты прав авторов производных произведений.

Поставленный заявителем вопрос о нарушении его прав на осуществление предпринимательской и иной незапрещенной экономической деятельности в силу лишения права на использование с согласия автора производного произведения (перевода) созданных последним объектов

авторских прав в виде переводов имен персонажей, по существу, сводился к проверке фактических обстоятельств в части принадлежности автору права на конкретный объект и поэтому не был рассмотрен Конституционным Судом.

Подпункт 6.4 Положения о Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам

Конституционный Суд признал положение подпункта 6.4 Положения о Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 16.06.2004 № 299) не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 29.05.2014 № 1214-О*).

Данное положение оспаривались в той части, какой предоставляет Роспатенту в целях реализации полномочий в установленной сфере деятельности право создавать совещательные и экспертные органы (советы, комиссии, группы, коллегии).

Конституционный Суд пришел к выводу, что оспариваемое положение не регулирует вопросы, касающиеся процедуры рассмотрения данными органами заявлений и возражений заинтересованных лиц, следовательно, оно не может рассматриваться как нарушающее конституционные права.

Статья 1398 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение статьи 1398 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определения Конституционного Суда от 29.05.2014 № 1252-О, от 29.05.2014 № 1251-О, от 20.03.2014 № 631-О*).

Данное положение оспаривалось в той мере, в какой оно допускает возможность признания патента недействительным во внесудебном порядке.

Конституционный Суд указал, что положение статьи 1398 ГК РФ, наделяющее орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности полномочием по принятию решения о недействительности патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, следует рассматривать в системной связи с иными нормами ГК РФ, предусматривающими возможность последующего судебного контроля такого принятого во внесудебном порядке по итогам рассмотрения соответствующего спора о защите интеллектуальных прав решения. Это в полной мере соответствует правовой позиции Конституционного Суда о том, что досудебный порядок урегулирования споров не только не исключает, а, напротив, предусматривает возможность для лица обратиться в суд с жалобой на решение соответствующего административного органа.

Конституционный Суд признал положение пункта 4 статьи 1398 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 29.05.2014 № 1080-О*).

Данное положение оспаривалось в той мере, в какой в силу его неопределенности допускается произвольное толкование и применение при

разрешении вопросов, связанных с правом авторов служебных изобретений на вознаграждение и нарушением этого права.

Конституционный Суд ранее в своем определении от 01.03.2011 № 269-О-О уже указывал на то, что в пункте 4 статьи 1398 ГК РФ федеральный законодатель осуществил правовое регулирование одного из аспектов отношений, производных от исключительного права, в целях устранения имевшейся в ранее действовавшем правовом регулировании неопределенности и поиска баланса интересов лицензиата и лицензиара после признания патента недействительным.

Конституционный Суд пришел к выводу, что оспариваемое положение направлено на регулирование отношений между сторонами, заключившими лицензионный договор исходя из предположения о действительности патента на изобретение, что не может рассматриваться как нарушение конституционных прав. А положение об аннулировании патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, признанного недействительным полностью или частично, со дня подачи заявки на патент, направлено на достижение определенности в части установления момента, с которого аннулируется такой патент.

Статьи 1364, 1399 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения пункта 2 статьи 1364 и статьи 1399 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определения Конституционного Суда от 05.03.2014 № 497-О, от 05.03.2014 № 498-О, от 05.03.2014 № 499-О, от 05.03.2014 № 500-О, от 05.03.2014 № 501-О, от 05.03.2014 № 502-О, от 05.03.2014 № 503-О, от 05.03.2014 № 504-О*).

Данные положения оспаривались на том основании, что они вследствие неопределенности их нормативного содержания лишают авторов служебных изобретений эффективной судебной защиты их прав, а также допускают нарушение их имущественных прав, поскольку при неуплате патентообладателем патентной пошлины за поддержание патента на служебное изобретение в силе позволяют распоряжаться имущественным правом на вознаграждение не самим авторам служебных изобретений, а их работодателям.

Право на получение патента на изобретение первоначально принадлежит автору изобретения, реализовать его можно только получив патент или уступив право на получение патента другому лицу. Соответственно, данное право не является исключительным, поскольку существует лишь со дня создания технического достижения и до момента подачи заявки на выдачу патента, т.е. в период, предшествующий государственной регистрации объекта патентных прав. Исключительное же право использования изобретения принадлежит патентообладателю, как и право распоряжаться этим исключительным правом.

В изъятие из правила, согласно которому исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом,

первоначально возникает у его автора, пункт 3 статьи 1370 ГК РФ закрепляет приоритетный характер имущественных прав работодателя.

Подобное правовое регулирование наряду с другими положениями гражданского законодательства, предоставляя работнику и работодателю право выбора способа взаимоотношений по поводу создания служебного изобретения и возможность распорядиться соответствующими правами, включая определение оптимального способа защиты как авторских прав, так и прав патентообладателя, в том числе в части установления условий выплаты авторского вознаграждения за служебное изобретение, независимо от того, каким образом правообладатель реализовал свое исключительное право (включая отказ от поддержания патента в силе в результате прекращения выплаты патентной пошлины), направлено на достижение баланса между обеспечением охраны имущественных прав патентообладателя и конституционных гарантий прав авторов результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере как в части охраны созданных ими технических решений (средствами патентного права), так и в части гражданско-правовой защиты их имущественных прав.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд, уплата пошлин за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом, обусловлена свободой выбора: автор изобретения может подать заявку на выдачу патента и тогда будет обязан уплатить пошлину, а может и не претендовать на приобретение вытекающих из патента прав, льгот и преимуществ, обеспечивающих охрану промышленной собственности; равным образом и правоотношения по поддержанию патента на изобретение в силе предполагают либо уплату патентообладателем годовых пошлин, либо отказ от защиты исключительного права патентообладателя на использование изобретения (который, однако, не лишает патентообладателя, являющегося автором изобретения, его права авторства) (определения Конституционного суда от 10.12.2002 № 283-О, от 15.07.2008 № 674-О-О и др.).

Такой подход соответствует нормам международных договоров об утрате силы патентов вследствие неуплаты пошлин, в частности статье 5.bis Парижской конвенции, и одновременно свидетельствует о стремлении законодателя сохранять силу лишь тех патентов, которые имеют действительную или потенциальную ценность.

Ограничение же исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности определенным сроком, по истечении которого запатентованное изобретение, иные результаты интеллектуальной деятельности переходят в общественное достояние, отражает компромисс между интересами патентообладателя, для которого монопольное право создает определенные преимущественные условия для вложения средств в освоение новых технологий, и интересами общества, которое всегда заинтересовано в широком использовании технических достижений, т.е. в свободном доступе к результатам научно-технической деятельности.

Статья 32 Закона Союза Советских Социалистических Республик от 31.05.1991 № 2213-I «Об изобретениях в СССР»

Конституционный Суд признал положение пункта 5 статьи 32 Закона Союза Советских Социалистических Республик от 31.05.1991 № 2213-I «Об изобретениях в СССР» (далее – Закон об изобретениях) не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 20.02.2014 № 395-О*).

Конституционный Суд пришел к выводу, что сами по себе оспариваемые законоположения, согласно которым автору изобретения, патент на которое выдан предприятию, патентообладателем в месячный срок с даты получения им патента выплачивается поощрительное вознаграждение, которое не учитывается при последующих выплатах; размер поощрительного вознаграждения за изобретение (независимо от количества соавторов) должен быть не менее среднего месячного заработка работника данного предприятия, устанавливая гарантию получения работником – автором служебного изобретения, в дополнение к иным выплатам, поощрительного вознаграждения в указанном размере, не могут рассматриваться как нарушающие какие-либо конституционные права и свободы таких работников.

Статьи 1235, 1367 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения пункта 5 статьи 1235 и статьи 1367 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 22.01.2014 № 96-О*).

Указанные положения оспаривались в той части, в какой они по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, позволяют отказывать патентообладателю (лицензиару) в требовании о взыскании вознаграждения в связи с неиспользованием лицензиатом соответствующего изобретения в случае, когда стороны лицензионного договора согласовали размер вознаграждения в форме процентных отчислений от дохода (выручки).

Конституционный Суд пришел к выводу, что пункт 5 статьи 1235 ГК РФ в системной взаимосвязи с пунктом 1 статьи 1235 ГК РФ направлен на защиту права стороны лицензионного договора – обладателя исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиара) на получение вознаграждения за предоставление другой стороне (лицензиату) права использования такого результата или такого средства в указанных в договоре пределах и в соответствии с предусмотренными данным договором формами выплаты вознаграждения, а потому не может рассматриваться как нарушающий конституционные права.

Конституционный Суд также отметил, что не нарушает конституционные права и статья 1367 ГК РФ, согласно которой по лицензионному договору одна сторона – патентообладатель (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату)

удостоверенное патентом право использования изобретения, полезной модели или промышленного образца в установленных договором пределах.

17. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2013 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 1515 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 24.12.2013 № 2133-О*).

Указанные положения оспаривались на том основании, что они обязывают суд взыскивать компенсацию за незаконное использование товарного знака даже при отсутствии убытков у обладателя исключительного права на товарный знак.

Оспариваемые положения пункта 4 статьи 1515 ГК РФ о праве правообладателя требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в системной взаимосвязи с положениями абзаца первого пункта 3 статьи 1252 ГК РФ, закрепляющими общие условия применения указанного способа защиты исключительного права правообладателя в случаях, предусмотренных ГК РФ для отдельных результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, а также абзаца второго того же пункта, предусматривающими определение судом соразмерности компенсации с учетом требований разумности и справедливости, направлены на реализацию положений Конституции и не могут рассматриваться как противоречащие Конституции.

Статья 1512 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение подпункта 1 пункта 2 статьи 1512 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 24.12.2013 № 2132-О*).

Указанное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основании решается вопрос о порядке аннулирования исключительного права на товарный знак в период, когда предоставление правовой охраны такому товарному знаку не признавалось недействительным.

Конституционный Суд пришел к выводу, что подпункт 1 пункта 2 статьи 1512 ГК РФ является по своему характеру отсылочной (бланкетной) нормой, применяется только в системной связи с закрепленными в статье 1512 ГК РФ основаниями для отказа в государственной регистрации товарного знака и, как направленный на реализацию императивного конституционного требования соблюдать Конституцию и законы, обращенного ко всем субъектам права, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права.

Статья 1398 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения пунктов 4 и 5 статьи 1398 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определения Конституционного Суда от 24.12.2013 № 2152-О, от 01.03.2011 № 269-О-О*).

Указанные положения оспаривались в той части, в какой они допускают возможность аннулирования патента, признанного недействительным, со дня подачи заявки на патент и не предусматривают взыскание с лицензиата невыплаченных платежей по такому договору за период до признания патента недействительным.

Как указано в определении Конституционного от 04.12.2007 № 966-О-П, существо отношений между сторонами, заключившими лицензионный договор исходя из предположения о действительности патента на изобретение, не изменяется последующим признанием патента недействительным в той части, в которой договор был исполнен к моменту аннулирования патента.

Данная правовая позиция Конституционного Суда соотносится с позицией федерального законодателя, который в статье 1398 ГК РФ предусмотрел, что лицензионные договоры, заключенные на основе патента, признанного впоследствии недействительным, сохраняют свою силу в той мере, в какой они были исполнены к моменту вынесения решения о недействительности патента.

Такое регулирование направлено на поиск баланса интересов лицензиата и лицензиара после признания патента недействительным и на реализацию положений части 1 статьи 44 Конституции во взаимосвязи с частью 3 статьи 17 Конституции и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права.

Статьи 1370, 1398 ГК РФ, 8 Патентного закона

Конституционный Суд признал положения абзаца второго пункта 2 статьи 8 Патентного закона, пунктов 1, 3 и 4 статьи 1370, подпункта 4 пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 1398 ГК РФ, не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 21.11.2013 № 1843-О*).

Указанные положения оспаривались в той мере, в какой в силу имеющейся, по мнению заявителя, неопределенности содержания они ставят признание государством изобретательских и патентных прав работника в зависимость от согласия работодателя признать эти права; а также в той мере, в какой уведомление работодателя работником о полученном им результате, способном к правовой охране в качестве изобретения, полезной модели или промышленного образца, рассматривается судами как требование уведомить о способности изобретения к правовой охране.

Положения пункта 2 статьи 8 Патентного закона об отношениях между работником и работодателем по поводу служебных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов были в существенной своей части воспроизведены в статье 1370 ГК РФ. В обоснование соответствия положений статьи 1370 ГК РФ (как и положений пункта 2 статьи 8 ранее действовавшего

Патентного закона) Конституции Конституционный Суд сослался на ранее высказанную им позицию в определении Конституционного Суда от 28.05.2013 № 876-О.

В отношении положений подпункта 4 пункта 1 и пункта 2 статьи 1398 ГК РФ Конституционный Суд отметил, что они сами по себе направлены на реализацию конституционных гарантий каждого на судебную защиту его прав и свобод, включая право обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, и как таковые не могут рассматриваться как противоречащие конституционным положениям.

Статьи 1252, 1484, 1515 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения абзаца первого пункта 3 статьи 1252, пунктов 2 и 3 статьи 1484, подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 24.09.2013 № 1342-О*).

Положения статей 1252 и 1515 ГК РФ оспаривались заявителем на том основании, что они позволяют привлечь к ответственности в виде взыскания компенсации за нарушение исключительного права лицо, чья вина в правонарушении не установлена, не предусматривают возможность уменьшения размера «фиксированной» компенсации в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела и допускают взыскание компенсации по выбору правообладателя с одного или нескольких нарушителей при наличии иных нарушителей. Положения статьи 1484 ГК РФ оспаривались на том основании, что они позволяют считать нарушителями исключительного права всех лиц, участвующих каким бы то ни было образом в производстве товара и вводе его в хозяйственный оборот, возлагая на них не предусмотренные законом и правилами делового оборота обязанности и расходы по производству экспертизы обозначений, нанесенных на упаковку товаров.

Конституционный Суд пришел к выводу, что положения статьи 1252 ГК РФ не могут рассматриваться как нарушающие какие-либо конституционные права заявителя, поскольку согласно части 3 статьи 17 Конституции осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Применительно к случаям нарушения исключительного права на товарный знак, предусмотренного подпунктом 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ, законодатель предусмотрел право правообладателя при незаконном использовании товарного знака требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак. Закрепление подобного условия направлено также на реализацию положений, в силу которых Российская Федерация как участник Парижской конвенции обязана обеспечить эффективную защиту от недобросовестной конкуренции,

а также обеспечить гражданам других стран – участников этой конвенции законные средства для ее эффективного пресечения.

Конституционный Суд также признал положения статьи 1484 ГК РФ не нарушающими конституционные права и свободы заявителя, поскольку сами по себе они направлены на реализацию части 1 статьи 44 Конституции, а также на реализацию обязательств Российской Федерации по международным договорам (Парижская конвенция, Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (заключено в Мадриде 14.04.1891) и др.).

18. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2013 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 1245 ГК РФ, нормативно-правовые акты, утвержденные Постановлением Российской Федерации от 14.10.2010 № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях»

Конституционный Суд признал положения пункта 1 статьи 1245 ГК РФ и направленных на их реализацию нормативно-правовых актов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях» (далее – Постановление № 829), не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 28.05.2013 № 945-О*).

Заявитель оспаривал указанные положения в части включения телефонных аппаратов для сотовых сетей связи в перечень оборудования и материальных носителей, используемых для свободного воспроизведения фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях, и установления ставки для выплаты вознаграждения за свободное воспроизведение в личных целях в размере одного процента от таможенной стоимости единицы оборудования и материальных носителей.

Конституционный Суд отметил, что положения пункта 1 статьи 1245 ГК РФ установлены федеральным законодателем в пределах его дискреции во исполнение прямого указания, содержащегося в части 1 статьи 44 Конституции, и не может расцениваться как нарушающее конституционные права и свободы.

Закрепив в пункте 1 статьи 1245 ГК РФ общие принципы и порядок обеспечения имущественных интересов правообладателей в случае воспроизведения фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях, федеральный законодатель одновременно возложил на Правительство Российской Федерации полномочие по определению перечня соответствующих оборудования и материальных носителей, а также размера

и порядка сбора соответствующих средств. Соответствующее правовое регулирование было осуществлено Постановлением № 829.

Конституционный Суд неоднократно указывал на то, что предоставление Правительству Российской Федерации подобных полномочий в сфере обеспечения прав и свобод граждан, охраны собственности (следовательно, и в сфере защиты и охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственности) в силу конституционного принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, предполагающего в сфере правового регулирования разграничение законодательной функции, возложенной на Федеральное Собрание Российской Федерации, и функции обеспечения исполнения законов, возложенной на Правительство Российской Федерации, направлено на реализацию положений Конституции (постановление Конституционного Суда от 22.11.2001 № 15-П, определение Конституционного Суда от 10.12.2002 № 283-О и др.).

Вопрос об установлении ставки для выплаты вознаграждения не был рассмотрен Конституционным Судом, поскольку оценка экономической обоснованности принятого Правительством Российской Федерации решения об установлении единой ставки для выплаты вознаграждения за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях исходя из таможенной стоимости единицы оборудования (включая телефонные аппараты для сотовых сетей связи) и материальных носителей не входит в компетенцию Конституционного Суда.

Статья 1370 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение пункта 3 статьи 1370 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 28.05.2013 № 876-О*).

Данное положение оспаривалось в той части, в какой работодателю принадлежат исключительное право на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец и право на получение патента, если трудовым или иным договором между работником и работодателем не предусмотрено иное. По мнению заявителей, исключительное право на служебное изобретение не может принадлежать работодателю на момент создания работником указанного результата интеллектуальной деятельности.

Конституционный Суд отметил, что пункт 3 статьи 1370 ГК РФ в изъятие из правила пункта 3 статьи 1228 ГК РФ, согласно которому исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора, закрепляет приоритетный характер имущественных прав работодателя, несущего денежные, технические или иные материальные расходы на создание служебного результата интеллектуальной деятельности. Именно работодателю законодатель предоставил и право выбора способов охраны и

использования достигнутого служебного результата интеллектуальной деятельности: путем обращения за выдачей соответствующего патента в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности, передачи права на получение такого патента другому лицу либо путем сохранения информации о соответствующем результате интеллектуальной деятельности в тайне.

Способ реализации своего исключительного права на служебный результат интеллектуальной деятельности работодатель обязан выбрать в течение законодательно ограниченного периода – в течение четырех месяцев со дня письменного уведомления его работником о создании в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя такого результата, в отношении которого возможна правовая охрана. Данное правовое регулирование направлено на обеспечение своевременного получения работником (автором), которому принадлежит право авторства на служебный результат интеллектуальной деятельности, сопряженного с его творческими усилиями при осуществлении трудовой деятельности материального вознаграждения.

При этом не исключается возможность установления иного регулирования принадлежности исключительного права на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец и права на получение патента – в трудовом договоре или ином договоре, заключаемом между работником и работодателем, равно как и установления ими в договорном порядке обоюдно выгодных условий использования служебных результатов интеллектуальной деятельности, информацию о которых работодатель примет решение сохранить в тайне.

С учетом этого Конституционный Суд пришел к выводу, что само по себе оспариваемое законоположение не может рассматриваться как нарушающее конституционные права.

Статья 1512 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение пункта 1 статьи 1512 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 23.04.2013 № 528-О*).

Указанное положение оспаривалось в части, позволяющей аннулировать исключительные права на товарный знак в период, когда предоставление правовой охраны такому товарному знаку не было признано недействительным.

Конституционный Суд пришел к выводу, что названное законоположение, раскрывая существо оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку и последствия признания недействительным предоставления такой охраны, не содержит указания на условия и сроки для оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку, а потому не может рассматриваться как нарушающее конституционные права.

19. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 32 Закона об изобретениях

Конституционный Суд признал положение пункта 1 статьи 32 Закона об изобретениях не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 22.11.2012 № 2112-О*).

Указанное положение оспаривалось в связи с тем, что по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, оно не допускает возможность получения автором изобретения вознаграждения в случае, когда прибыль от использования изобретения отсутствует, хотя может быть исчислена.

Конституционный Суд отметил, что само по себе оспариваемое положение устанавливает минимальные размеры вознаграждения, выплачиваемого автору за использование его изобретения работодателем, что не может рассматриваться как нарушение конституционных прав.

20. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2011 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 10 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения пунктов 1 и 2 статьи 10 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 21.06.2011 № 807-О-О*).

Указанные положения оспаривались на том основании, что они в толковании, придаваемом им правоприменительной практикой, позволяют суду отказать лицу – обладателю исключительного права в защите данного права путем предъявления требования об уничтожении контрафактной продукции, созданной с нарушением исключительных прав, в том случае, когда удовлетворение такого требования приведет к неблагоприятным последствиям для ответчиков, не соразмерным понесенным правообладателем убыткам.

Установленный в статье 10 ГК РФ запрет злоупотребления правом в любых формах прямо направлен на реализацию принципа, закрепленного в части 3 статьи 17 Конституции, и не может рассматриваться как нарушающий какие-либо конституционные права и свободы (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2011 № 8-О-П и др.*).

Статьи 1229, 1477, 1488, 1510, 1511 ГК РФ

Конституционный Суд признал положения пунктов 2 и 3 статьи 1229, пункта 1 статьи 1477, пункта 2 статьи 1488, статьи 1510 и 1511 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 21.04.2011 № 520-О-О*).

Указанные положения оспаривались заявителями на том основании, что они в толковании правоприменительных органов не позволяют нескольким лицам приобрести исключительное право на товарный знак и совместно владеть, пользоваться и распоряжаться им.

Конституционный Суд отметил, что в силу пункта 3 части «С» статьи 5 Парижской конвенции допускается одновременное применение одного и того же товарного знака на одинаковых или сходных продуктах промышленными или торговыми предприятиями – совладельцами товарного знака по законодательству страны, где испрашивается охрана, если только такое применение не вводит общественность в заблуждение и не противоречит публичным интересам.

С учетом этого Конституционный Суд пришел к выводу, что положения пункта 2 статьи 1229, пункта 1 статьи 1477, пункта 2 статьи 1488, статьи 1510 и пункта 4 статьи 1511 ГК РФ, которыми, в частности, предусматривается, что исключительное право на средство индивидуализации (кроме исключительного права на фирменное наименование) может принадлежать одному лицу или нескольким лицам, признается удостоверяемое свидетельством на товарный знак (статья 1481 ГК РФ) исключительное право на товарный знак как обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, установлен запрет на отчуждение исключительного права на товарный знак, если оно может явиться причиной введения потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя, закреплены условия, при которых объединение лиц вправе зарегистрировать в Российской Федерации коллективный знак для обозначения производимых или реализуемых этими лицами товаров, обладающих едиными характеристиками их качества или иными общими характеристиками, с возможностью преобразования коллективного знака в товарный знак и наоборот, сами по себе направлены на реализацию положений части 4 статьи 15, части 3 статьи 17, статьи 34, части 1 статьи 44 и части 3 статьи 55 Конституции и не могут рассматриваться как противоречащие положениям статьи 35 Конституции о праве каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

21. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2010 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 1263 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение пункта 3 статьи 1263 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определения Конституционного Суда от 30.09.2010 № 1354-О-О, от 27.05.2010 № 690-О-О*).

Данное положение оспаривалось в той части, в какой оно ставит в неравное положение композиторов и других авторов фильма и возлагает на кинотеатры бремя несения экономически необоснованных расходов.

Конституционный Суд указал, что с учетом специфики аудиовизуального произведения как объекта интеллектуальной собственности и субъектов соответствующих правоотношений законодатель при выборе модели регулирования использования охраняемых результатов такой интеллектуальной деятельности в пункте 3 статьи 1263 ГК РФ предусмотрел гарантию права на вознаграждение для автора музыкального произведения (с текстом или без текста), использованного в аудиовизуальном произведении, при публичном его исполнении или сообщении в эфир либо по кабелю.

Гарантия сохранения за автором музыкального произведения, использованного в фильме, права на вознаграждение при публичном исполнении такого произведения была установлена Законом Российской Федерации от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве), а затем воспроизведена в пункте 3 статьи 1263 ГК РФ с целью недопущения умаления законных интересов композиторов.

Решение вопроса о закреплении в действующем гражданском законодательстве такого подхода для иных авторов аудиовизуального произведения составляет прерогативу федерального законодателя и Конституционному Суду неподведомственно.

Конституционный Суд также пришел к выводу, что оспариваемое законоположение само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные права и свободы кинопрокатных организаций, поскольку им не разрешаются вопросы о порядке выплаты такого вознаграждения.

22. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 1519 ГК РФ

Конституционный Суд признал положение абзаца первого пункта 3 статьи 1519 ГК РФ не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 27.05.2010 № 769-О-О*).

Указанное положение оспаривалось на том основании, что оно не позволяет использовать наименование места происхождения товара лицами, не имеющими соответствующего свидетельства, даже если при этом указывается подлинное место происхождения товара.

В силу статьи 1229, пункта 1 статьи 1516, пунктов 1 и 4 статьи 1519, пункта 1 статьи 1521 ГК РФ правообладателю принадлежит исключительное право на наименование места происхождения товара, причем данное наименование товара охраняется в течение всего времени существования возможности производить товар, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для соответствующего географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами, а распоряжение исключительным правом на такое наименование не допускается.

С учетом особенностей данного средства индивидуализации и в целях реализации положений Конституции законодатель предусмотрел, с одной стороны, возможность государственной регистрации наименования места происхождения товара и предоставления исключительного права на такое наименование и, с другой стороны, возможность предоставления исключительного права на ранее зарегистрированное наименование места происхождения товара любому лицу, которое в границах того же географического объекта производит товар, обладающий теми же особыми свойствами, а также установил запрет на использование зарегистрированного наименования места происхождения товара лицами, не имеющими соответствующего свидетельства, даже если при этом указывается подлинное место происхождения товара.

23. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2009 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 8 Патентного закона

Конституционный Суд признал положение пункта 2 статьи 8 Патентного закона не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 13.10.2009 № 1278-О-О*).

Указанное положение оспаривалось заявителем на том основании, что в силу сложившейся правоприменительной практики оно рассматривается как переход исключительно к договорному регулированию отношений между автором и патентообладателем, вопреки имеющим, по его мнению, императивный характер положениям пункта 1 статьи 32 Закона об изобретениях.

Оспариваемое положение пункта 2 статьи 8 Патентного закона воспроизведено в пункте 4 статьи 1370 ГК РФ. Данное законоположение, направленное на достижение баланса между правами работодателя и работника – автора изобретения, созданного им в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права.

24. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2009 года

подготовлена 22.07.2016

Статьи 10, 11, 13, 14, 30.1 Патентного закона

Конституционный Суд признал положения статьей 10, 11, 13, 14 и 30.1 Патентного закона не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 23.06.2009 № 668-О-О*).

Данные положения оспаривались в той части, в какой они в их толковании в правоприменительной практике не позволяют использовать изобретение юридическим лицом, руководимым одним из авторов изобретения, без согласия остальных авторов.

Оспариваемые положения Патентного закона воспроизведены в части четвертой ГК РФ. При этом законодатель закрепил общее правило: в случае, если обладателями патента на одно изобретение являются два или более лица, каждое из них вправе использовать изобретение по своему усмотрению, в то время как распоряжение исключительным правом осуществляется ими совместно, что направлено на реализацию части 1 статьи 8, статьи 34 и части 1 статьи 44 Конституции во взаимосвязи с частью 3 статьи 17 и частью 3 статьи 55 Конституции и не может рассматриваться как нарушающее какие-либо конституционные права.

Статья 11 Патентного закона

Конституционный Суд признал положение статьи 11 Патентного закона не противоречащим Конституции (*определения Конституционного Суда от 28.05.2009 № 613-О-О, от 25.12.2008 № 1018-О-О, от 15.11.2007 № 768-О-О*).

Указанное положение оспаривалось в той части, в какой не признается нарушением исключительных прав патентообладателя применение средств, содержащих изобретения, полезные модели, промышленные образцы, защищенные патентами, если эти средства введены в хозяйственный оборот законным путем.

Как указал Конституционный Суд, названная норма (как в ее первоначальной редакции, так и после внесения уточнений), воспроизведенная в пункте 6 статьи 1359 ГК РФ, направлена на обеспечение баланса между монопольными правами патентообладателя и правами и законными интересами других лиц, что само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав.

Статьи 421, 445 ГК РФ, 14, 30 Закона об авторском праве

Конституционный Суд признал положения пункта 2 статьи 14 и статьи 30 Закона об авторском праве, а также статей 421 и 445 ГК РФ не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 19.02.2009 № 221-О-О*).

Указанные положения, касающиеся соавторства, авторского права на служебные произведения, передачи имущественных прав и авторского договора, а также свободы договора и заключения договора в обязательном порядке, оспаривались заявителем на том основании, что они в их системной взаимосвязи позволили лишить его права авторства на научно-техническое произведение и права на получение от работодателя авторского вознаграждения за его использование.

Обжалуемые заявителем положения воспроизведены с существенными уточнениями, дополнениями и изменениями в главах 69, 70 ГК РФ. При этом как ранее действовавшие, так и действующие в настоящее время законоположения направлены на защиту имущественных и личных неимущественных прав создателей объектов интеллектуальной собственности и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя. Равным образом не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя и положения статей 421 и 445 ГК РФ, обеспечивающие баланс между конституционным принципом свободы договора, с одной стороны, и исключительными по своей сути случаями понуждения к заключению договора с соблюдением законодательно оговоренных условий – с другой.

Статья 4 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»

Конституционный Суд выявил смысл абзаца второго пункта 1 статьи 4 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (*определение Конституционного Суда от 10.02.2009 № 244-О-О*).

Данное положение оспаривались на том основании, что оно признает исключительное право на наименование некоммерческой организации, но не позволяет ей защитить это право в судебном порядке.

Конституционный Суд указал, что пункт 1 статьи 4 названного Закона устанавливает, что некоммерческая организация, наименование которой зарегистрировано в установленном порядке, имеет исключительное право его использования. Между тем, принимая часть четвертую ГК РФ, федеральный законодатель пошел по пути закрепления исключительных прав на фирменное наименование, носящих имущественный характер, только за юридическими лицами, являющимися коммерческими организациями. Такой подход свидетельствует о том, что на наименования некоммерческих организаций правила параграфа 1 главы 76 ГК РФ («Право на фирменное наименование») не распространяются.

25. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2008 года

подготовлена 22.07.2016

**Статья 33 Патентного закона, пункты 1, 2 постановления
Правительства Российской Федерации от 14.01.2002 № 8**

Конституционный Суд признал положения статьи 33 Патентного закона, пункты 1 и 2 постановления Правительства Российской Федерации от 14.01.2002 № 8 не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 15.07.2008 № 674-О-О*).

Данные положения оспаривались в той части, в какой установление размера патентных пошлин осуществляется Правительством Российской Федерации и исчисление патентных пошлин исходя из минимального размера оплаты труда заменено исчислением в рублях.

Конституционный Суд ранее уже установил, что делегирование федеральным законом Правительству Российской Федерации полномочий по установлению размеров пошлин за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом (с учетом характера данных платежей как сбора), не нарушает конституционное предписание о законно установленных налогах и сборах и закрепленное Конституцией разграничение компетенции между Федеральным Собранием Российской Федерации и Правительством Российской Федерации (*определение Конституционного Суда от 10.12.2002 № 283-О*).

Конституционный Суд в своих решениях неоднократно подчеркивал, что сам по себе отказ от использования минимального размера оплаты труда в отношениях, не связанных с оплатой труда, – при соблюдении конституционных принципов справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности и гарантированности прав граждан – не может рассматриваться как противоречащий Конституции (*постановление Конституционного Суда от 19.06.2002 № 11-П; определения Конституционного Суда от 11.07.2002 № 191-О, от 16.05.2007 № 375-О-П и др.*).

С учетом приведенных правовых позиций Конституционный Суд пришел к выводу, что установление размеров годовых пошлин, порядка и сроков их уплаты, оснований для освобождения от уплаты, уменьшения их размеров, отсрочки их уплаты или возврата в рамках правоотношения по поддержанию патента на изобретение в силе направлено на достижение баланса между обеспечением охраны имущественных прав владельца интеллектуальной собственности и заинтересованностью государства и общества в возможно более широком доступе к использованию результатов интеллектуальной деятельности, а потому не может рассматриваться как нарушающее конституционные права и свободы.

26. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2007 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 29 Патентного закона

Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 29 Патентного закона и признал их не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 04.12.2007 № 966-О-П*).

Данные положения оспаривались в той части, в какой они, позволяя признавать патент недействительным в течение всего срока действия, допускают тем самым его неоднократное оспаривание; в какой решения, связанные с лишением гражданина его имущества, принимает Палата по патентным спорам, не входящая в систему судебных органов; в какой допускают, по мнению заявителя, в случае признания патента недействительным возможность взыскания с правообладателя суммы неосновательного обогащения в пользу лица, которое использовало ранее признанное государством изобретение.

Конституционный Суд отметил, что изобретения, будучи результатом творчества, интеллектуальной деятельности, представляют собой нематериальные объекты гражданских правоотношений и как таковые могут одновременно использоваться неограниченным кругом лиц. Для включения изобретений в рыночный оборот необходимы правовые механизмы (способы обособления новых технических результатов), отличные от тех, которыми осуществляется охрана частной собственности, и основывающиеся на специальном оформлении, регистрации изобретения и закреплении исключительных прав изобретателя, чему предшествует проводимая уполномоченными органами государства экспертиза.

Подтверждение уполномоченным государством органом по защите интеллектуальной собственности факта создания охраняемого законом изобретения означает, что изобретателю предоставляется привилегия, позволяющая компенсировать произведенные им затраты и по возможности обеспечить положительные результаты от экономической деятельности по распоряжению своими исключительными правами. Вместе с тем в целях обеспечения баланса интересов всех участников технического и научного творчества на законодательном уровне, с одной стороны, закрепляются гарантии защиты исключительного права патентообладателя в отношении защищенного патентом изобретения, а с другой стороны, предусматривается право преждепользования и возможность признания патента недействительным в течение всего срока его действия.

Закрепляя в статье 29 возможность досрочного прекращения патентно-правовой охраны путем признания патента недействительным полностью или частично, Патентный закон не устанавливает последствия аннулирования патента и тем самым – судьбу основанных на нем обязательств, включая лицензионные договоры. Однако некоторая неопределенность, допущенная законодателем при формулировании положений статьи 29 (в частности, не ясно, прекращается ли действие патента с самого начала, т.е. имеет ли решение Палаты по патентным спорам обратную силу), хотя и затрудняет уяснение их действительного смысла, но не дает оснований для вывода о несоответствии Конституции.

Положения подпункта 1 пункта 1 и пункта 3 статьи 29 Патентного закона по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают возможность в случае признания патента недействительным и его аннулирования признание недействительными лицензионных договоров в той части, в какой они были исполнены к моменту вынесения решения о недействительности патента. До тех пор, пока государство признает действительность патента, все обязательства, в которые вступает патентообладатель по использованию своих исключительных прав (за исключением случаев выдачи патента с указанием в нем в качестве автора лица, не являющегося таковым), должны считаться действительными, а полученные по ним суммы признаваться законным доходом. Иное противоречило бы природе патента, при том что признак изобретательского уровня как критерий патентоспособности изобретения во многом зависит от таких субъективных обстоятельств, как техническая и правовая осведомленность лиц, проводящих экспертизу.

Фактически по такому исполненному договору лицензиат получает искомую выгоду от использования изобретения (в частности, в виде экономии времени, материальных ресурсов, преимущества перед конкурентами), в отношении которого презюмировалось наличие патентной охраны. Полученная лицензиатом выгода обосновывает необходимость выплаты лицензиару предусмотренных договором лицензионных платежей и исключает возможность применения правил о неосновательном обогащении.

Установление срока, в течение которого может быть обжалован патент на изобретение, – прерогатива законодателя, который осуществляет соответствующее регулирование исходя из потребностей правовой политики. Предоставление возможности признания патента недействительным в течение всего срока его действия не может быть признано нарушением Конституции.

Оспариваемые заявителем положения не являются препятствием для реализации конституционного права на судебную защиту, поскольку принятое во внесудебном порядке решение о признании патента недействительным может быть обжаловано в суд и проверено в порядке последующего судебного контроля.

27. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2006 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 10 Патентного закона

Конституционный Суд признал положение пункта 2 статьи 10 Патентного закона не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 21.12.2006 № 632-О*).

Данное положение оспаривалось на том основании, что оно может привести к освобождению ответчика от обязанности по выплате

вознаграждения. Кроме того, заявитель просил дать конституционное толкование понятиям «изобретение», «патент» и «способ».

Конституционный Суд отметил, что норма пункта 2 статьи 10 Патентного закона определяет условия признания изобретения использованным именно в целях защиты исключительного права патентообладателя, а потому сама по себе не может рассматриваться как нарушающая какие-либо конституционные права заявителя. Кроме того, из содержания Патентного закона – в системе действующего правового регулирования – не усматривается неопределенность понятий «изобретение», «патент» и «способ».

Пункт 29 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21.08.1973 № 584

Конституционный Суд признал положение пункта 29 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21.08.1973 № 584, не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 17.10.2006 № 458-О*).

Данное положение оспаривалось заявителями на том основании, что согласно этому положению права автора изобретения, основанные на авторском свидетельстве, не действуют по отношению к предприятию, организации или учреждению, которое использует тождественное изобретению предложение другого лица, поданное этому предприятию, организации или учреждению до даты приоритета изобретения.

Конституционный Суд отметил, что обжалуемое нормативное положение не может рассматриваться как нарушающее конституционные права и свободы заявителя, поскольку само по себе направлено на обеспечение баланса между правами лиц, своевременно зарегистрировавших изобретение в установленном порядке, и лиц, которые ранее и независимо от изобретателя создали тождественное решение, но не закрепили свои исключительные права на него.

28. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2005 года

подготовлена 22.07.2016

Статьи 6, 7 Закона об авторском праве

Конституционный Суд признал положения статей 6 и 7 Закона об авторском праве не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 20.12.2005 № 537-О*).

Указанные положения оспаривались в той части, в какой они не закрепляют авторское право на научные результаты и не указывают их в числе

объектов авторского права. Заявитель считал нарушением авторского права совпадение научного результата в виде одинаковых по смыслу научных выводов с учетом приоритета в их обнаружении. Тем самым фактически он полагал необходимым распространить защиту прав авторов объектов интеллектуальной собственности, предоставляемую Законом об авторском праве, на права лиц, которые достигли того или иного научного результата первыми.

Конституционный Суд отметил, что защита прав лица, первым достигшего определенных результатов интеллектуальной деятельности, требует соблюдения особого порядка установления этого первенства, что обеспечивается средствами патентного, а не авторского права. Законодатель закрепил комплекс мер государственной защиты, направленных на обеспечение баланса конституционных гарантий свободы творчества и защиты прав авторов научных (научно-технических) результатов как в части защиты выявленного ими содержания этих результатов (средствами патентного права), так и в части защиты формы изложения этих результатов (средствами авторского права). Иные средства защиты прав авторов научных (научно-технических) результатов, изложенных другим лицом в самостоятельном, отличающемся по форме, произведении, при отсутствии регистрации приоритета в соответствии с патентным законодательством могут быть обеспечены силами самого научного сообщества. В частности, в случае использования заимствованного материала без ссылки на автора и источник заимствования диссертация, представленная на соискание ученой степени, снимается с рассмотрения без права повторной защиты.

В связи с этим Конституционный Суд пришел к выводу, что сами по себе оспариваемые положения во взаимосвязи с иными положениями действующего законодательства не препятствуют охране достигнутых автором научных результатов и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права.

29. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2004 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 4 Закона о товарных знаках

Конституционный Суд признал положение пункта 2 статьи 4 Закона о товарных знаках не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 22.04.2004 № 171-О*).

Заявители оспаривали конституционность данного положения в той части, в какой оно позволяет расценивать сделки с товаром, маркированным соответствующим товарным знаком и не являющимся контрафактным, как нарушение прав правообладателя на товарный знак.

Конституционный Суд указал, что запрещение законным правообладателем использования товарного знака другими лицами ограничивает права хозяйствующих субъектов, закрепленные в статье 34 Конституции в той мере, в какой согласно части 3 статьи 55 Конституции это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц (определение Конституционного Суда от 20.12.2001 № 287-О). Кроме того, запрещение такого способа использования товарного знака правообладателя, как ввоз маркированной таким знаком продукции на территорию Российской Федерации, направлено на соблюдение международных обязательств Российской Федерации в области охраны интеллектуальной собственности и не противоречит Конституции.

В целях обеспечения баланса прав правообладателя легальной монополии (исключительного права) в отношении зарегистрированного им в установленном порядке обозначения – товарного знака и прав других лиц в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия, закреплен принцип исчерпания прав. При этом объем защиты прав пользователя исключительными правами (лицензиата) не может быть выше объема защиты прав правообладателя.

30. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2003 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 11 Патентного закона

Конституционный Суд признал положение абзаца третьего статьи 11 Патентного закона не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 16.10.2003 № 389-О*).

Указанное положение оспаривалось в той части, в какой проведение научного исследования или эксперимента над средством, содержащим изобретение, полезную модель или промышленный образец, защищенные патентами, не признается нарушением исключительного права патентообладателя и таким образом, по мнению заявителя, дает возможность получения прибыли (доходов) лицами, проводящими научные эксперименты или исследования над средством, содержащим изобретение.

Конституционный Суд отметил, что положение абзаца третьего статьи 11 во взаимосвязи со статьей 10 Патентного закона не может рассматриваться как нарушающее конституционное право заявителя на защиту его интеллектуальной собственности законом, поскольку оно установлено в целях обеспечения баланса интересов всех лиц, которым гарантирована свобода научного и технического творчества. Кроме того, оспариваемая норма не предполагает введение защищенного патентом изобретения в хозяйственный

оборот в ходе осуществления научного эксперимента над средством, содержащим изобретение, третьими лицами.

Статья 22 Закона о товарных знаках

Конституционный Суд выявил конституционный смысл пункта 3 статьи 22 Закона о товарных знаках и признал его не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 02.10.2003 № 393-О*).

Указанное положение оспаривалось в той мере, в какой оно допускает досрочное прекращение действия регистрации товарного знака на основании административного, а не судебного решения.

Оспариваемое положение предусматривало, что действие регистрации товарного знака может быть прекращено досрочно на основании решения Высшей патентной палаты.

Конституционный Суд указал, что по смыслу названной нормы, факт регистрации товарного знака не только имеет правоустанавливающее значение, но и предполагает обязанность осуществления данного исключительного права его правообладателем. Подобное правовое регулирование соответствует части «С» статьи 5 Парижской конвенции.

Законодатель, установив возможность досрочного прекращения регистрации товарного знака в связи с его неиспользованием в течение определенного срока, рассматривает ее как антимонопольный инструмент, лишая правообладателя легальной монополии (исключительного права) в отношении зарегистрированного им в установленном порядке обозначения.

Согласно пункту 2 статьи 11 ГК РФ решение, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суд. На основании данной нормы арбитражные суды осуществляют последующий судебный контроль внесудебного порядка полного или частичного аннулирования регистрации товарного знака. Указанная практика согласуется с позицией Конституционного Суда, выраженной в постановлении Конституционного Суда от 20.05.1997 № 8-П, поскольку при этом досудебный порядок урегулирования споров не только не исключает, а напротив, предусматривает возможность для лица обратиться в суд с жалобой на решение соответствующего административного органа.

31. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2003 года

подготовлена 22.07.2016

Статья 10 Патентного закона

Конституционный Суд признал положение пункта 3 статьи 10 Патентного закона не противоречащим Конституции (*определение Конституционного Суда от 26.06.2003 № 280-О*).

Указанное положение оспаривалось в той части, в какой, по мнению заявителя, новый продукт считается полученным запатентованным способом при отсутствии доказательств противного. Заявитель полагал, что вследствие неопределенности юридического содержания понятия «новый продукт» суды, рассматривающие дела о нарушении исключительных прав патентовладельцев, устанавливают новизну продукта по собственному усмотрению.

Конституционный Суд пришел к выводу, что неопределенность понятия «новый продукт» из содержания Патентного закона не вытекает, эта статья введена именно для защиты исключительного права патентообладателя, устанавливает презумпцию его нарушения и возлагает обязанность доказывать обратное на предполагаемого нарушителя, а следовательно, не нарушает конституционные права и свободы заявителя.

32. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2001 года

подготовлена 22.07.2016

Статьи 2, 4, 6, 7 Закона о товарных знаках

Конституционный Суд признал положения статей 2, 4, 6 и 7 Закона о товарных знаках не противоречащими Конституции (*определение Конституционного Суда от 20.12.2001 № 287-О*).

Указанные положения оспаривались в той части, в какой они позволяют регистрировать в качестве товарного знака словесное обозначение на имя только одного субъекта предпринимательской деятельности.

Конституционный Суд отметил, что в отличие от объектов иных видов интеллектуальной собственности, рыночная стоимость которых во многом predeterminedена их самостоятельной ценностью как результатов интеллектуальной творческой деятельности (объекты авторского и патентного права), рыночная стоимость приравненного к ним по предоставляемой защите товарного знака как средства индивидуализации продукции зависит в первую очередь от признания этой продукции потребителем. Для защиты прав потребителя продукции, маркированной конкретным товарным знаком, законодатель, предусмотрев возможность использования товарного знака с разрешения его владельца по лицензионному договору, установил, что договор должен содержать условие о том, что качество товаров лицензиата будет не ниже качества товаров лицензиара и что лицензиар будет осуществлять контроль за соблюдением этого условия.

Следовательно, отмена исключительных прав на зарегистрированные товарные знаки, в том числе на товарные знаки, представляющие собой широко применявшиеся ранее в коммерческом обороте наименования, привела бы к свободному использованию товарного знака любым хозяйствующим субъектом, без принятия им на себя соответствующих

обязательств в отношении качества продукции. Это не только нарушило бы охраняемые в соответствии с частью 1 статьи 44 Конституции права владельца интеллектуальной собственности, но и повлекло бы за собой существенное ущемление прав потребителей такой продукции.

Таким образом, статьи 2 и 4 Закона о товарных знаках ограничивают права хозяйствующих субъектов в той мере, в какой согласно части 3 статьи 55 Конституции это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц.

33. Информационная справка по итогам обобщения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации за первое полугодие 1992 года

подготовлена 22.07.2016

Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 03.02.1992 № 2275-1 «О Всероссийском агентстве по авторским правам»

Конституционный Суд признал не соответствующим Конституции постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 03.02.1992 № 2275-1 «О Всероссийском агентстве по авторским правам» по содержанию, по характеру затронутых в нем вопросов с точки зрения установленного в Российской Федерации разделения законодательной и исполнительной властей и с точки зрения закрепленного Конституцией разграничения компетенции между высшими органами государственной власти и управления Российской Федерации (*постановление Конституционного Суда от 28.04.1992 № 4-П*).

Создание общественного объединения для «продолжения деятельности по обеспечению интересов авторов на территории Российской Федерации, в том числе и по выполнению международных обязательств в сфере охраны авторских прав» предполагает выполнение им некоторых функций, присущих государственным органам. Само по себе осуществление подобных функций каким-либо общественным объединением при делегировании их правомочным государственным органом допустимо. Однако Президиум Верховного Совета Российской Федерации таких полномочий не имел.